

КРЕЧЕТ

ЧУЖОЙ КУРС

КНИГА 1

АРТЁМ МАЛИНИН

Артём Малинин

Кречет. Чужой курс

«Автор»

2026

Малинин А.

Кречет. Чужой курс / А. Малинин — «Автор», 2026

Капитан Тимофей Шишка — военный лётчик-испытатель. Он разогнал экспериментальный самолёт до 9,8 Маха, а потом за фонарём вместо неба оказались чужие звёзды. Его подбирает сборщик обломков из народа талари и доставляет на станцию Эрант, на окраину Сарфонской Империи. Земное звание здесь ничего не значит. Остаются позывной Кречет, работа ремонтника, учёба на пилота с нуля и самолёт — единственный, кто помнит дорогу домой. Но его забирают закрытые службы. А потом на Эрант обрушиваются боевые корабли державы талари — того самого народа, к которому принадлежит его спаситель. Начинается война, и испытателю предстоит научиться воевать. Первая книга цикла «Кречет».

© Малинин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Десять Махов	5
Глава 2. Чёрный космос	15
Глава 3. Первый контакт	24
Глава 4. К людям	32
Глава 5. Первая смена	42
Глава 6. Внешний сектор	52
Глава 7. Сочтёмся	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Артём Малинин

Кречет. Чужой курс

Глава 1. Десять Махов

Утром брат прислал фотографию разобранного кухонного крана. На столешнице лежали два разводных ключа, три резиновых кольца и деталь, которой, по его мнению, в исправном кране быть не должно.

«Отец говорит, лишняя. Мать перекрыла воду во всей квартире. Ты в субботу приедешь?»

Я стоял на светофоре за грузовиком, из-под которого капала грязная вода, и прикидывал, успею ли после полёта заехать в магазин сантехники. На сегодня у меня был более дорогой предмет с сомнительным количеством деталей. Его собирались разогнать до девяти целых восьми десятых числа Маха.

— Приеду, — надиктовал я. — Пока ничего не выбрасывайте. Особенно отца.

Брат ответил поднятым большим пальцем. Светофор переключился, грузовик тронулся, оставив на асфальте мокрую полосу. Я убрал телефон. За поворотом уже показались ограждение испытательного центра и мачты освещения над бетонным полем.

У КПП пришлось ждать. Въезд перекрыл чёрный микроавтобус; из него выходили мужчины с одинаково неподходящей для раннего утра осанкой. Один нёс тонкую папку в опечатанном чехле. Из-за него офицер охраны успел проверить мой пропуск, вернуть его, посмотреть вслед папке и попросить пропуск ещё раз.

— Капитан Шишка. Испытательная бригада.

— Вижу. Сегодня особый порядок.

— Машине тоже представиться?

Он взглянул на заднее сиденье, где лежала сумка с формой, и наконец поднял шлагбаум.

На стоянке меня встретил Климов. Ведущий инженер держал планшет под мышкой, а бумажный стакан — так далеко от себя, словно опасался заражения.

— Не пей кофе, — сказал он вместо приветствия.

— Ты теперь и медицинскую часть ведёшь?

— Автомат помыли. По-моему, забыли закончить.

Я забрал сумку из машины. Климов ждал, пока я закрою дверь, и только потом протянул планшет.

— Предел по температуре уменьшили на двенадцать градусов.

Я перестал искать в кармане ключи.

— После ночной проверки?

— После повторной обработки. Правый датчик даёт устойчивую прибавку. С железом всё в пределах, но запас считаем по худшему варианту.

Мы отошли с проезда. Я открыл графики, сопоставил новую границу с режимом последнего полёта и вывел предполагаемый полный профиль. Расчётная кривая подбиралась к ограничению неприятно близко.

— Тогда выдержка на максимуме короче.

— Возможно, придётся уйти до восьмой секунды.

— Не «возможно». Упёрлись в предел — прекращаю.

— Я об этом уже доложил.

— Кому?

Климов посмотрел в сторону административного корпуса.

— Всем, кому сегодня хочется красивого результата.

Вот теперь стало понятно, почему он ждал меня на стоянке, а не у самолёта. Я расписался в ознакомлении и вернул планшет.

— Что, сильно расстроились?

— Министр ещё не знает. Генерал сказал, чтобы я не занимался гаданием и принёс окончательные цифры.

— Разумный человек.

— Генерал?

— Тот, кто разрешил ему командовать нами.

Мы прошли досмотр. Телефоны остались в индивидуальных ячейках. Мои механические часы охранник подержал возле считывателя, после чего вернул без интереса: ни связи, ни памяти, даже шаги считать не умеют. На обороте крышки давно стёрлась половина надписи. Отец подарил их, когда я получил первое офицерское звание. Я застегнул ремешок и догнал Климова.

В ангаре пахло прогретым металлом и резиной. Возле носовой стойки сидел техник с открытой диагностической сумкой. Второй, под крылом, протирал тонкую тёмную полосу на передней кромке. При нашем появлении он поднял руку, закончил движение и только тогда встал.

Самолёт стоял без подвесок, гладкий и непривычно длинный. При первом знакомстве я ходил вокруг него минут двадцать, пытаюсь угадать, где именно конструкторы собирались спрятать всё то, что раньше торчало наружу. Теперь знал. Знал также, до какого лючка можно дотянуться с лестницы, а к какому лучше сразу звать самого худого техника.

На бумаге машина относилась к шестому поколению. Для людей, которым предстояло её обслуживать, поколение мало что объясняло: новая силовая установка, новое управление, тепловая защита, экспериментальный контур, ради которого и затевался сегодняшний участок. Часть решений мы проверили по отдельности. Сейчас их собирались впервые свести на полном режиме.

— Правый канал поменяли? — спросил я у техника.

— Проверили обоими комплектами. Датчик исправен.

Я кивнул и присел у передней стойки. На месте была контрольная метка, которую оставили после вчерашнего осмотра. Никаких подтёков. Крышки закрыты. Внешне самолёт выглядел совершенно равнодушным к тому, сколько людей приехало смотреть на него из Москвы.

— Тимофей Артёмович.

Климов произнёс моё отчество тем тоном, каким обычно называл незнакомую неисправность. Я выпрямился.

К нам шли генерал-полковник Сергеев, министр обороны и двое сопровождающих. За ними держался человек из комиссии с тем самым опечатанным чехлом. Генерал коротко пожал мне руку и без вступления спросил:

— Новые ограничения видел?

— Так точно. По температуре работаем с уменьшенным запасом. При достижении границы прекращаю участок.

— Независимо от команды с земли, — добавил он.

— Так точно.

Министр остановился возле борта и посмотрел на закрытый люк.

— А девять и восемь при этом получим?

— Попробуем выйти, — ответил я. — Удерживать любой ценой в задании нет.

Сзади тихо скрипнула обувь. Я видел, что Климов слушает, даже не повернув головы.

— Хорошо, — сказал министр. — Мне нужен результат, которому можно верить. Если он будет меньше расчётного, пусть будет меньше.

Напряжение возле самолёта ослабло. Не исчезло — просто снова стало рабочим. Сергеев подозвал инженера, уточнил последние цифры, затем повернулся ко мне.

— Самочувствие?

— До медицинского контроля или после кофе Климова?

— Кофе не пил, — быстро сказал тот.

— Значит, основания для оптимизма есть.

Министр улыбнулся, но задерживаться не стал. Он пожелал удачи, и вся группа направилась в сторону выхода. Климов проводил их взглядом.

— Ты мог просто сказать, что здоров.

— Тогда зачем ты утром так подробно рассказал про автомат?

До медиков оставалось двадцать минут. Климов свернул к комнате предполётной подготовки, и я пошёл следом: в коридоре уже собирались люди с гостевыми пропусками, а обсуждать с ними будущий рекорд не хотелось. Рекорд был подходящим словом для человека, которому после полёта не предстояло объяснять каждую лишнюю секунду на режиме.

На столе лежали две карточки задания. Одна — короткая, для кабины; другая — с графиками, примечаниями и подписями тех, кто отвечал за отдельные системы. Климов подтянул к себе вторую и перевернул страницу.

— Здесь ещё поправка.

— Почему не прислал?

— Прислал. Семь минут назад.

— Телефон у охраны.

Он потёр переносицу, явно ругаясь про себя на правильный режим секретности, который в очередной раз сработал именно тогда, когда был не нужен.

Поправка касалась аварийного отключения. В предыдущих полётах мы снимали питание экспериментального контура одной командой и контролировали разряд по общему каналу. На полном режиме накопленной энергии становилось достаточно, чтобы мгновенное отключение добавило своих неприятностей. Теперь автоматика должна была сперва разнести нагрузку между секциями, а уже затем разорвать питание. В кабине всё выглядело так же: красный переключатель, защитная крышка. За переключателем успело измениться довольно много.

Я прочитал последовательность дважды.

— Сколько до полного разряда?

— По расчёту — меньше двух секунд.

— А если секция не подтверждает готовность?

— Переключение не ждёт подтверждения бесконечно. По времени уходит в принудительный режим.

— Хочу увидеть.

Климов посмотрел на часы.

— На стенде?

— Здесь. Запись ночного прогона. С отказом подтверждения.

Он вызвал инженера по управлению и попросил принести журналы. Тот появился через минуту, невысокий, невыспавшийся, с красным следом от воротника на шее. Сел, подключил свой носитель и вывел две одинаковые схемы. На первой отключение проходило штатно. На второй одна секция оставалась жёлтой дольше остальных.

— Отказ датчика, — пояснил инженер. — Сам разрыв выполнен. Вот независимое измерение тока.

Я попросил убрать цветные схемы и оставить только измерения. Несколько секунд мы молча смотрели, как одна линия обрывается, другая уходит вниз, а третья ещё держится на прежнем уровне.

— Почему здесь ступенька?

— Разряд на соседнюю секцию. После переключения спад продолжается.

— То есть в этот момент команда уже исполнена, а энергия в контуре ещё есть.

— Да.

— Тогда слово «отключён» на экране мне не подходит.

Инженер поднял голову.

— Оно означает разрыв внешнего питания.

— Для тебя. Для меня оно означает, что я закончил аварийную процедуру и могу заниматься следующей неисправностью.

Климов придвинул журнал ближе. Мы нашли строку, по которой борт определял окончание процесса, и ещё раз прогнали запись. Спорить о том, кто прав по инструкции, никто не стал. В итоге в карточке появилась отдельная проверка остаточного заряда, а мне обещали оставить её на экране до конца участка. Менять программу прямо перед вылетом я бы не позволил. Отдельное отображение уже существующего параметра было другой историей.

— Уложились, — сказал Климов, когда инженер ушёл.

— Во что?

— В те двадцать минут, которых у нас не было.

Я подписал новую карточку и положил короткую сверху. На снимках самолёта в журнале всё было чисто и красиво. Под этими снимками умещались десятки подобных разговоров, ни один из которых не попал бы в торжественный ролик.

Врач встретил меня вопросом, сколько я спал. Я ответил, он уточнил, сколько действительно, и принял вторую цифру с большим уважением. Давление, координация, глаза, короткий разговор без посторонних. Когда он спросил, есть ли что-нибудь необычное, я вспомнил новые ограничения и уже открыл рот, но вовремя понял: его интересовал пока только мой организм.

— Самочувствие нормальное. Немного злюсь на расписание.

— Злость согласована с руководителем полётов?

— После посадки согласую.

Он поставил отметку о допуске. Перед выходом задержал меня за рукав и уже без шутки напомнил про питьё. В таком снаряжении человек довольно долго способен не замечать, что перегрелся и устал. Потом замечает сразу всё, обычно не в лучший момент.

В раздевалке я сел на скамью и вытянул ноги. На стене остался след от старого шкафа; новый не закрывал его на ширину ладони. За несколько лет я привык к этому светлому прямоугольнику так же, как к скрипу второй двери и к негромкому удару вентиляции при переключении. У каждого места, где работаешь достаточно долго, заводится собственный набор звуков.

Я подумал о родителях. Мать наверняка уже увидела фотографию крана и позвонила брату, хотя он находился у неё на кухне. Отец будет доказывать, что кольцо действительно лишнее: оно осталось от прежнего ремонта, а к нынешней поломке отношения не имеет. В субботу мы разберём всё заново, купим правильную прокладку и заодно перевесим полку, которая давно просится на два новых дюбеля. Мне нравились такие дела. У них обычно было обозримое окончание.

Звонить сейчас всё равно нельзя, да и нечего было сообщать. Точный характер испытаний дома не знали. Для них я уехал на работу. Так и должно было оставаться.

Я поднялся и начал надевать снаряжение. Помощник проверил соединения, я повторил проверку сам. На третьем замке он попытался опередить мою руку, увидел выражение лица и отступил.

— Привычка? — спросил он.

— Полезная.

— У вас все привычки полезные?

— Брат так не считает. Особенно когда я советую ему сначала прочитать инструкцию.

Помощник протянул перчатки. Я натянул правую, сжал пальцы и остановился: у основания большого пальца ткань тянула сильнее обычного. На раскрытой ладони всё выглядело правильно. Стоило взять рукоятку проверочного приспособления, край манжеты смещался и давил на сустав.

— Та же пара? — спросил я.

Он сверил бирку, потом свою ведомость.

— Ваш размер. Из нового комплекта.

— Мне нужна та, которую подгоняли.

Помощник нашёл её в соседнем шкафу. Замена заняла меньше минуты. Я повторил движения, дотянулся до бокового кармана, попробовал открыть маленькую защёлку. Теперь не приходилось разворачивать всю кисть ради большого пальца.

— Эту куда? — Он держал первую перчатку за манжету.

— На повторную подгонку. Отметь, где тянет. Другому подойдёт, мне сегодня мешает.

Он записал. Я видел, что ему хотелось объяснить: размер действительно правильный и по ведомости всё сходилось. Объяснять было нечего. Ведомость проверяла одну задачу, моя рука — другую. До полёта мы ещё могли исправить обе без особых последствий.

У двери Климов вопросительно поднял брови. Я показал ему раскрытую ладонь и пошевелил пальцами. Он посмотрел на отложенную пару, всё понял и посторонился.

Шлем я взял под мышку. На выходе проверил, что часы остались под манжетой и нигде не цепляются. День наконец перестал состоять из разговоров: дальше можно было идти к машине.

После медицинского контроля и проверки снаряжения я поднялся к кабине. Медики закончили своё, техники — своё; теперь наступала очередь действий, за которые никто не мог расписаться вместо меня.

В кабине стало просторнее по сравнению с машинами, на которых я начинал службу. Не для плеч — для взгляда. Физические органы управления оставили там, где ошибку нельзя было исправить вторым касанием. Всё остальное собиралось на экранах по задаче. Я мог вызвать полную схему, но в обычном режиме видел лишь нужные параметры, а не непрерывную выставку возможностей электронной промышленности.

Климов проверил соединение гарнитуры и показал два пальца. Я ответил тем же. Фонарь опустился; голоса снаружи исчезли, остался шорох воздуха в дыхательном контуре.

— Кречет, проверка основного.

— Основной слышу хорошо.

— Резерв.

— Резерв хорошо.

На левом экране развернулось задание. Бортовой интеллектуальный комплекс подтвердил мою идентификацию, номер полёта и загруженные ограничения. Я провёл пальцем по строке новой температурной границы и вызвал её на постоянное отображение.

— Борт, дублировать предупреждение звуком.

— Принято.

— Без музыкальных вступлений.

Комплекс промолчал. Правильно. От машины я предпочитал получать ответы только на те вопросы, которые действительно ей задавал.

Перед тем как разрешить техникам закрыть люки, я попросил повторить переход на аварийное питание. Самолёт стоял на земле, и лучшего места для этого до возвращения не предвиделось. Климов показал из-за фонаря раскрытую ладонь: ждать.

На схеме погасло несколько второстепенных потребителей. Основные приборы сохранили положение; новая строка заряда осталась именно там, где мы договорились. Я вызвал её голосом, затем убрал голосовое управление совсем и повторил действие с ручки. После этого

включил подачу газа в контур дыхания, дождался устойчивых показаний и попросил техника проверить внешнее соединение.

— Не спешишь? — спросил Климов.

— Ты же хотел точные цифры.

— Хотел. И сейчас хочу. Просто комиссия спрашивает, сколько ещё.

— Передай: осталось столько же, сколько было бы без комиссии.

Он отвернулся, и я не услышал, как именно он перевёл мой ответ на пригодный для руководства язык. Вскоре дал разрешение продолжать.

На левом экране мигнула заметка о несовпадении времени одного регистратора с бортовым отсчётом. Разница была невелика, но на коротком участке испытания могла испортить сопоставление каналов. Мы остановили проверку, добились общей синхронизации и дождались двух полных циклов записи.

— Теперь сходится, — сказал инженер управления.

— Сохраните оба журнала. До исправления и после.

— Старый зачем?

— Чтобы вечером не искать, откуда взялись лишние миллисекунды.

Мне подтвердили сохранение. В этом и состояла значительная часть работы испытателя: по возможности обеспечить людям на земле достаточно материала, чтобы они не строили легенды вокруг того, что в кабине выглядело обычным отказом.

В последний раз перед вырубиванием я вывел карту аварийных площадок. Борт нарисовал доступные варианты с учётом каждого участка. На больших скоростях привычное «вернуться» превращалось в последовательность действий, на которую требовались расстояние, высота и исправная тепловая защита. Развернуть машину к дому одним движением ручки не получилось бы при самом горячем желании.

У ближайшей отметки стоял условный прогноз. Я открыл расшифровку: боковой ветер, ограничение по полосе. Попросил руководителя полётов подтвердить актуальные данные.

— Резервный принят, — ответил он. — Погода в допуске. Основной свободен.

— Понял. Готов к рулению.

Техник перед носом поднял руку, показал, что колодки убраны, и отошёл в сторону. Я дождался, пока он окажется вне сектора, проверил пространство по камерам и отпустил тормоза.

По левому борту медленно прошли ворота ангара. На секунду я увидел отражение нашего самолёта в стекле административного корпуса: длинный нос, низкий силуэт, пустые узлы подвески. Из этого ракурса машина выглядела почти спокойной. Потом стекло осталось позади, и мне уже хватало настоящего изображения перед кабиной.

На исполнительном старте я выполнил последнюю проверку. За стеклом наблюдательного пункта двигались тёмные силуэты. Я перестал смотреть в их сторону, когда получил разрешение на взлёт.

Самолёт пошёл по полосе. Нагрузка нарастала ровно, без рывка; стойки передавали мелкую дрожь бетона. На расчётной скорости я поднял нос. Полоса ушла вниз, шасси убралось, и голос руководителя полётов стал голосом человека, который остался далеко позади.

Первые контрольные точки прошли спокойно. На двенадцати километрах проверили управление. Выше — переход между режимами силовой установки. Я работал по карточке и смотрел на правый тепловой канал чуть чаще, чем на остальные.

— Кречет, готовность к имитации отказа правой поверхности?

— Готов.

Экран справа погас. Центральный тут же перестроился, часть команд перешла на ручку и голос. Мы уже делали это на тренажёре, но здесь подо мной находился настоящий самолёт, а до ближайшей кнопки «повторить упражнение» было несколько десятков километров вниз.

— Борт, силовая. Раздельно по каналам.

Две колонки открылись без задержки. Я сравнил показания и продолжил набор.

— Управление устойчивое. Информация читается. Верните поверхность.

— Принято. Замечания?

— При перестройке строка температуры сдвинулась. Хочу её на прежнем месте во всех режимах.

Климов ответил сам:

— Записал.

— Вот теперь можешь говорить, что я мешаю прогрессу.

— После посадки. Сейчас протокол открыт.

Самолёт набрал скорость. На тридцати с небольшим километрах мы прошли Мах три. Дальше воздух за фонарём постепенно терял цвет, а Земля — привычную плоскость. На высоте уже не было видно отдельного дома, дороги или человека. Однако я знал, что всё это там есть: брат с краном, наша кухня, пробка на обратном пути. От этой уверенности работа становилась обычной, сколько бы ни росли цифры.

На промежуточной участке борт предложил небольшую поправку по курсу. Сама поправка укладывалась в задание, но я запросил причину: погодная информация и расчётная точка включения разошлись. Пришлось уточнить высоту по независимому каналу и пройти короткий прямой отрезок без разгона.

Самолёт слушался хорошо. Именно это порой мешало замечать неприятности: когда новая автоматика делает управление приятным, начинаешь слишком охотно верить, что остальное она тоже уже решила. Я убрал часть подсказок и дал машине отработать небольшое возмущение. Показания сошлись с тем, что чувствовалось по крену и нагрузке.

— Замечаний к устойчивости нет. Поправку принимаю.

— Продолжайте по уточнённому, — сказал руководитель полётов.

Климов запросил одну из температур. Она была у него на земле, но он хотел убедиться, что я вижу ту же цифру. Я ответил и сам спросил, как идут соседние датчики. Три коротких числа, пауза. В этот момент его голос действовал лучше любых заверений перед полётом: там следили за тем же, за чем следил я.

У меня оставалось несколько секунд, чтобы посмотреть наружу. Слой облаков обрывался неровной кромкой. Дальше лежала тёмная поверхность, в которой с такой высоты невозможно было различить ни чужую дорогу, ни свою. Ниже летал борт сопровождения; теперь он отстал настолько, что камера показывала только крошечную отметку на фоне белого. Его пилот сообщил, что уходит на заранее оговорённый маршрут.

Я ответил. Дальше с нами оставались приборы, телеметрия и люди в наушниках. В перспективных картинках такие полёты часто выглядели одинокой работой человека и машины. Стоило услышать, как руководитель коротко разводит два одновременно заговоривших поста, чтобы вспомнить действительную численность этого экипажа.

До следующей точки мы шли без замечаний. Я успел сделать несколько глотков воды и проверить положение ремней. На ладони выступил пот. Не от страха — пока ещё от плотной перчатки и обычной сосредоточенности. Пальцы двигались свободно, соединения не мешали, дыхание оставалось ровным.

Перед дальнейшим разгоном я назвал номер участка и вслух повторил его ограничения. С земли подтвердили. Все посторонние разговоры прекратились, даже фон эфира стал как будто чище.

Восемь секунд на полном режиме не выглядели большим сроком, когда мы обсуждали их за столом. В воздухе к ним вела длинная работа, и сорвать её можно было одним необязательным движением. Я устроил правую руку удобнее и оставил взгляд на тех строках, которые собирался проверить первыми.

Перед включением прямого контура я проверил готовность и повторил условия прекращения. Ответ с земли пришёл сразу. Новый режим подхватил машину мягко, затем тяга начала расти. На схеме силовой установки изменились цвета. Я удерживал заданный профиль и следил за тем, как расчёт расходится с настоящими показаниями.

На границе режимов появился короткий толчок. Допустимый по величине, но раньше, чем я его ждал. Я отметил момент кнопкой на ручке и запросил отдельную запись по силовой установке. Борт предложил продолжить профиль: формально оснований прекращать не было.

— Земля, отмечаю переходный процесс. Проверить время переключения.

Климов ответил не сразу. На его стороне, судя по обрывку фонового голоса, тоже что-то сравнивали. Я удерживал текущий режим и считал секунды. Скорость росла медленнее расчётной, точка включения уползала по маршруту.

— Кречет, видим раннее открытие. В пределах допуска. Прибавка по правому каналу без роста.

— Подтверди устойчивость.

— Устойчивая. Продолжение разрешено.

Я всё равно выждал ещё два отсчёта. Температура действительно стояла, давления сошлись. Отпустил удержание и пошёл дальше по программе, уже записав для разбора отдельный вопрос.

На скорости приходилось следить за собой не меньше, чем за машиной. Очень хотелось вмешаться заранее: слегка помочь по тангажу, подвести нос туда, где он через мгновение окажется сам. На тренажёре такая забота однажды привела к тому, что автоматика и я начали последовательно исправлять друг друга. Теперь я давал команду и ждал отклика, не добавляя второй только потому, что успел подумать быстрее самолёта.

— Работа интеллектуального комплекса? — спросили с земли.

— Рекомендации своевременны. Причина удержания отображена. Конфликта команд нет.

— Замечание по раннему переключению принято.

Всё это звучало сухо. Так и следовало. Если начать рассказывать в эфире, на что похож толчок и какие чувства он вызвал, можно пропустить момент, когда толчок перестанет быть допустимым.

Под правой рукой высветился расчёт остатка топлива для возвращения. Запас немного уменьшился из-за задержки. Я сверил его с карточкой, подтвердил продолжение и закрыл подробности. На основном экране оставил только конечную цифру. До неё ещё было далеко, однако тратить её на любопытство не собирался.

Солнце ушло за верхнюю рамку фонаря. Яркий отблеск пробежал по экрану и погас: покрытие справилось, но глаза на миг захотели уйти следом. Я вернул взгляд на приборы. В такую минуту даже красивый вид легко превращался в ещё один отвлекающий фактор.

Климов коротко сообщил, что по независимому измерению тепловой запас сохраняется. Я подтвердил приём. Снова появилась возможность заниматься полётом, а не ждать решения, и от этого стало спокойнее.

Мах пять прошёл без замечаний. На шести правая температура приблизилась к границе раньше, чем хотелось. Автоматика предложила уменьшить темп набора; я подтвердил. Несколько секунд кривая шла почти горизонтально, затем запас начал возвращаться.

— Видим стабилизацию, — сказал Климов.

— Продолжаю с уменьшенным темпом.

Слова стали короче. О шутках никто не вспоминал. Наверху мне требовались точные команды, внизу — точные ответы.

На высоте около шестидесяти километров машина держалась уже не одним крылом. Газодинамическое управление помогало там, где редкому воздуху не хватало силы. Я чувствовал небольшие поправки и видел их на схеме, но не вмешивался без необходимости.

Семь целых две. Семь и девять. Восемь и шесть.

По правому каналу оставалось несколько градусов. Нагрузка держалась в установленном диапазоне. Я перевёл взгляд на индикатор готовности экспериментального контура. Мысли о комиссии ушли окончательно: впереди было несколько секунд, для которых всю машину собирали годами.

Перед последним участком руководитель полётов снова вывел меня на прямую связь.

— Кречет, подтверждаешь готовность?

Я не ответил сразу. Проверил дыхание, аварийную шину, запас для возвращения и две строки, которые мы добавили утром. По зарядному каналу экспериментальной системы шёл штатный рост. Ни один из независимых датчиков не давал расхождения.

— Готовность подтверждаю.

— Выполняйте по карточке. Повторно: решение о прекращении — ваше.

— Принял.

Эту фразу я слышал сегодня уже несколько раз. Она не снимала ответственности с земли и не перекладывала её на меня заново. Просто оставляла в эфире нужную ясность: если придётся выбирать между программой и машиной, никто не будет ждать разрешения от человека, которого в кабине нет.

Я представил коридор снижения, по которому через несколько минут должен был пойти обратно. Борт уже держал его рядом с основным заданием. Поворот после снятия режима, контроль охлаждения, переход на рабочую высоту, выход к посадочному. Порядок был знакомым. Я мысленно дошёл до конца и вернулся к текущим показаниям.

— Борт, подтверждение защитного отключения.

— Основной канал готов. Дублирующий канал готов. Контроль остаточной энергии активен.

— Телеметрию держать без сокращения.

— Принято.

В этой кабине можно было большую часть полёта вести голосом. И всё же большой палец у меня лежал возле физического переключателя. Пока конструкторы не придумали ничего надёжнее руки, которая знает место нужной кнопки и не ждёт, когда закончится чужая фраза.

На земле кто-то на мгновение включился не в тот канал. Я услышал обрывок вопроса и сразу после него — резкое замечание руководителя. Связь очистилась. Вероятно, наблюдателям хотелось знать, почему на большом экране снова меняется расчётное время. Им оставалось ждать. Мне — работать.

К новой границе температуры мы подошли без рывков. Несколько градусов запаса выглядели скромно рядом с общими значениями, но я знал, как этот запас получен и сколько людей проверило его за ночь. Важнее было другое: пока он не сокращался.

Я сделал отметку, чтобы на разборе можно было вернуться к этому моменту. Затем ещё раз посмотрел на видимый край Земли. Светлая полоса воздуха стала тонкой, над ней лежала глубокая синева. Внизу продолжался обычный день, и если бы мне сейчас предложили назвать самое невероятное в происходящем, я бы выбрал способность человека перестать этому удивляться.

— Кречет, продолжаем, — сказал Климов.

— Продолжаю.

— Кречет, разрешаю первый участок. Контроль восемь секунд. Прекращение по любому ограничению.

— Первый участок. Восемь секунд.

Я подтвердил запуск. Низкий гул изменился, будто по корпусу провели натянутой струной. Число Маха перешло девять, затем девять и четыре. Расчётная отметка приближалась медленнее, чем мне хотелось, хотя часы продолжали идти с совершенно обычной скоростью.

Девять и восемь.

— Расчётная достигнута. Температура ниже границы на четыре.

— Держать.

На четвёртой секунде я заметил, что линия горизонта сдвинулась относительно визирной сетки. Самолёт не изменил тангаж. Показания двух каналов ещё совпадали, но картинка за фонарём будто запоздала за движением головы.

— Имею оптическое искажение. Проверяю навигацию.

— Кречет, расхождение по инерциальному!

Я уже открыл защитную крышку.

— Прекращаю.

Переключатель ушёл вниз. Подтверждения отключения не последовало. На схеме один сектор погас, другой продолжал гореть.

— Контур не вышел. Дублирующий.

Я нажал аварийный разрыв питания. Машина дрогнула; предупреждения наложились друг на друга. На правом экране вместо температур появились прочерки, и за фонарём, поверх дневного света, проступили звёзды.

Я не пытался понять их появление. До понимания следовало дожить. Убрал тягу, проверил высоту, потребовал от борта разделить отказы. На центральном экране возникло столько красного, что он перестал помогать.

— Климов, подтверждай отключение по внешней телеметрии.

— Не видим разрыва... Тимофей, повторно...

Его голос растянулся и пропал. Изгиб Земли перед носом поднялся, словно я падал на спину, но перегрузка не соответствовала движению. Я успел упереться затылком в подголовник. Белый свет прошёл сбоку через всю кабину, не оставив тени ни от руки, ни от приборной панели.

А потом стало тихо.

Глава 2. Чёрный космос

Ремни больше не вдавливали меня в кресло. На визоре остались сетка и несколько действующих индикаторов. За фонарём были звёзды — впереди, сбоку, под левым крылом. Я повёл головой, пытаюсь найти край планеты, и замер так на несколько секунд.

Где-то внизу диспетчер должен был сейчас ругаться в эфире. Вместо него я слышал собственное дыхание. Слишком частое.

— Земля, Кречет. Основной. Ответьте.

Нет ответа.

— Аварийный резерв. Кречет. Ответьте.

Тот же ровный шум. Я сбросил тягу окончательно, перевёл питание на аварийную шину и запросил состояние кабины. Давление сохранялось. За бортом — практически ноль. Самолёт медленно вращался, и я погасил вращение короткими импульсами ориентационных сопел.

Руки знали, что делать. С головой было хуже. Она продолжала искать объяснение, в котором всё ещё существовали испытательный полигон, радиогоризонт и люди, способные вытащить меня из беды.

Я вызвал навигационную страницу. Спутников нет. Привязки нет. Инерциальный канал сохранил последовательность измерений, но не мог построить по ней положение. Я запросил сравнение звёздного поля.

— Совпадение с каталогом не найдено.

— Оценка достоверности?

— Определить невозможно.

Хороший ответ. Честный. Совершенно бесполезный для человека, который хотел услышать название ближайшего аэродрома.

Я убрал навигационную страницу и вывел изображение с нижней камеры. Звёзды. Переключился на левую, затем на правую. Если неисправность была общей, она могла подменить картинку сразу на всех экранах. Но за прозрачным фонарём лежала та же темнота, а рука отбрасывала тень только от приборов.

В резервном зеркале я увидел собственные глаза. Белки красные, зрачки расширены. Человек выглядел так, будто ему стоило бы сесть, хотя последние сорок минут только этим и занимался.

— Борт, освещение кабины на минимум. Контроль внешних камер. Поочерёдно.

Изображения сменились. На кормовом появилась одна знакомая вещь — кусок моего самолёта. Передняя кромка стабилизатора светилась тусклым красным. С земли мы ушли горячими; если остальное происходящее не укладывалось в объяснение, хотя бы это пока имело понятную причину.

Я вызвал последние исправные показания и отделил их от текущих. До белой вспышки — скорость, высота, курс, параметры двигателя. После — бессмысленные величины, разрыв ряда, попытка автоматики продолжить расчёт по тому, чего она больше не наблюдала. Она добросовестно искала нас там, где самолёт должен был оказаться через долю секунды. В каком-то смысле мы с ней сейчас занимались одним и тем же.

— Привязку не восстанавливать по предположению. Текущие координаты считать неизвестными.

— Подтвердите отмену навигационного решения.

Я подтвердил. С экрана исчезла зелёная линия возвращения. Несколько секунд смотрел на место, где она находилась, прежде чем заставил себя открыть следующую страницу.

Вспышка могла повредить датчики. Потеря ориентации могла заставить меня не увидеть Землю сразу. Но над полигоном были атмосфера и солнечный свет. Сейчас наружное давление

оставалось почти нулевым, а наиболее тёплым предметом в поле камер являлся сам самолёт. Объяснение через один сломанный прибор становилось всё хуже.

Я попробовал обратиться к борту так, будто в его памяти наверняка существовал пункт на этот случай.

— Возможные причины потери всех спутников при сохранении инерциальной записи.

Он предложил помехи, отказ приёмного тракта, экранирование. Затем добавил ещё несколько вариантов. Ни один не объяснял то, что я видел за фонарём. Я прервал перечень: слушать полный каталог возможных неисправностей было легче, чем решать реальную задачу, и именно поэтому следовало остановиться.

Для начала требовалось исключить большое тело совсем рядом. Камеры имели слепые зоны. Я выбрал медленный разворот, поставил ограничение по расходу газа и проверил, что не откроется ни один ненужный исполнительный канал. Возле кнопки подтверждения на мгновение завис палец. Куда именно поворачиваться, я не знал.

Такого в моей жизни ещё не было. Даже над облаками оставались верх, низ и направление к аэродрому. Теперь я выбрал сторону только потому, что её было удобно проверить первой.

Я начал медленный разворот. Газ расходовал короткими включениями, промежутки оставлял на обзор. Полный круг занял несколько минут. Ни диска Земли, ни Луны, ни знакомого направления на Солнце я не увидел. Камеры тоже не нашли за что зацепиться.

Сломанный каталог ещё не доказывал, что меня унесло к другой звезде. Отсутствие планеты за фонарём не позволяло измерить расстояние до неё. Я повторил это себе вслух. Формулировка была правильной, только легче не стало.

— Автономность.

— Три часа двадцать шесть минут при текущем расходе.

Я вывел перечень потребителей, отключил лишнее освещение и нагрев там, где можно было потерпеть. Новый расчёт дал почти четыре часа. Больше всего система выиграла бы, если бы я перестал дышать так, будто бежал по лестнице.

Пришлось заняться и этим. Несколько ровных вдохов, длинный выдох. Я прижал ладонь к бедру, чтобы не видеть дрожи пальцев, и снова вызвал связь.

Самой неприятной строкой после воздуха оказалась температура. Снаружи было холодно по всем житейским представлениям, а машина продолжала греться там, где требовалось охлаждение. Воздух, через который мы собирались пройти обратно, исчез из задачи. Вместе с ним исчезла часть привычных способов отдать тепло.

Автоматика предложила включить систему, предназначенную для короткого внеатмосферного участка. Я просмотрел условия и подтвердил. На схеме изменились потоки, температура перестала расти так быстро. До нормального режима оставалось далеко.

— Расчёт до ограничения при сохранении текущего состояния.

На экране появился интервал с большой погрешностью. Он был короче времени по дыханию. Я выругался, открыл список потребителей и начал отключать то, что ещё недавно считал необходимым.

Сначала исчезла половина навигационных расчётов. Затем резервные режимы, которые имело смысл поддерживать только при работающей силовой установке. Основной передатчик я перевёл на короткие послышки, оставив аварийный маяк. Каждое действие приходилось проверять: можно было хорошо сэкономить электричество и лишиться единственной работающей камеры.

В кабине стало темнее. Борт предупредил об ограничении части функций и предложил перечень недоступных возможностей. Я закрыл его, не дочитав. Запрос посадочного метеосейчас мог подождать.

Один из вспомогательных блоков не подчинился команде. На схеме он числился отключённым, а потребление не исчезало. Я проверил соседние ветви, попытался снять нагрузку

штатно, затем добрался до физического размыкателя. Для этого пришлось ослабить правый ремень и потянуться ниже бедра.

Меня сразу отвело от спинки. Нелепое, медленное движение, которого в обычном полёте не могло быть. Колено ударилось о край панели. Я схватился за опору, вернул себя в кресло и только после этого продолжил.

Тело уже понимало невесомость, голова всё ещё ожидала, что на следующем движении появится нормальная тяжесть. Ничего не появилось.

Размыкатель ушёл в нужное положение. Потребление упало. Борт пересчитал тепловой режим и добавил времени; по крайней мере, теперь два способа умереть не спорили за первенство с таким большим разрывом.

Я снова затянул ремень. От напряжения болела челюсть, хотя разговаривал я мало. Сделал несколько движений, отпустил зубы, проверил дыхание. Затем вернулся к экспериментальному контуру.

Утром мы смотрели запись его отключения за столом. Я помнил жёлтую секцию, короткий спор о слове на экране, лицо невыспавшегося инженера. Теперь команда разрыва была в журнале, подтверждения полного разряда не было. Это могло означать повреждение измерения. Могло означать остаточную энергию. Я не собирался выбирать более удобное объяснение.

Поставил запрет на повторную подачу питания и вывел напоминание рядом с аварийными параметрами. Пока не появится возможность разобраться, система останется отключённой. Восстановить эксперимент, потеряв часть измерений, было бы безумием даже над собственным аэродромом.

Следующим пунктом шёл катапультный комплекс. Я внимательно посмотрел на защищённую рукоятку и не тронул её. За фонарём не было ни воздуха для купола, ни поверхности, на которой можно ждать поисковую группу. Самолёт оставался моей герметичной комнатой. Выйти из неё сейчас означало отказаться от большей части того, что ещё работало.

Я отключил напоминание о покидании и сохранил исходную запись. Пусть в ней останется, почему я этого не сделал. Привычка составлять материал для разбора оказалась сильнее простой мысли о том, кому его вообще доведётся читать.

На основных частотах было пусто. На аварийных — тоже. Я записал короткое сообщение на русском, затем на английском: человек в аварийном аппарате, ограниченное жизнеобеспечение, просьба о помощи. Имя и позывной назвал без красивых формулировок. Местоположение сообщить не смог.

Маяк начал повторять запись. Я сохранил журналы испытания от кольцевой перезаписи и запросил экспериментальный контур. Он не отвечал. Последний участок данных выдавал ошибку целостности.

Наступило ожидание. Сначала я заполнил его проверками, затем повторными проверками. На третьем круге поймал себя на том, что открываю страницу давления только ради движения руки. Цифры не менялись.

Я достал пакет воды и удержал его возле груди. В невесомости даже это требовало внимания. Сделал несколько глотков через питьевое соединение, убрал пакет, проверил ремень сумки. Потом подумал, что брат сейчас, наверное, уже купил новый кран и готовит мне объяснение, почему старый ремонтировать было бессмысленно.

До этого семья оставалась за пределами работы. Теперь работа кончилась, а семья оказалась неизвестно где.

Я представил мать возле телефона и отвернулся от пустого экрана связи. Смотреть наружу было проще. Звёзды ничего от меня не ждали.

Первый похожий на ответ звук появился через двадцать минут. Три коротких щелчка, пауза, ещё один. Я выпрямился так резко, что ремни впились в плечи, и потребовал запись.

Щелчки повторились. Борт не выделил в них речь. На спектре стояли узкие пики; я сменил полосу, убрал автоматическую обработку и некоторое время просто слушал. Очень хотелось произнести «вас слышу», но сперва следовало убедиться, что там действительно есть кого слышать.

На третьем повторе я заметил совпадение по времени с включением одного из наших преобразователей. Отключил его на короткий интервал. Щелчки пропали. Вернул — появились снова.

— Собственная помеха, — сказал я в журнал.

После этих слов стало хуже, чем до них. До щелчков я просто ждал. Теперь пришлось отказаться от целой спасательной операции, которую успел за несколько секунд придумать от начала до конца.

Я пересмотрел расписание аварийных посылок. Передатчик честно повторял запись, но остальное время его тракт слушал. Если здесь существовал кто-то с радиоприёмником, у него оставалась возможность обнаружить маяк. Если не существовал — более красивая фраза ничем бы не помогла.

Решил всё же добавить в сообщение короткую последовательность одинаковых импульсов. Она не требовала знания русского или английского. Затем посмотрел на огни. Включать их непрерывно означало тратить заряд; держать самолёт тёмным тоже было неприятно. Я выбрал короткие серии и сохранил интервал. Это было скромное действие, зато настоящее.

При проверке новой посылки я услышал своё имя, просьбу о помощи и тишину там, где только что наговорил цифры. Вернул запись к началу. Старое сообщение звучало нормально. Добавленный участок состоял из ровного шума.

— Борт, контроль записи последнего включения.

Он вывел исправный текст распознанной команды. Я посмотрел на строку и едва не подтвердил, прежде чем сообразил: это запись внутреннего разговора с машиной. Мне требовалось то, что ушло в передатчик.

На нужном канале речь отсутствовала. Проверка режима показала, что после отключения вспомогательного блока связь перешла на резервный ввод. Пиктограмма передачи загоралась, радиостанция работала. Только моего микрофона на выбранном входе больше не было.

Я некоторое время сидел неподвижно. Очень хотелось вернуть питание всему самолёту и получить прежнюю, удобную схему. Вместе с ней вернулся бы расход, от которого я только что избавлялся. Пришлось открыть аварийную карточку и найти прямое включение гарнитуры, минуя отключённый блок.

Разъём находился слева, под закрытой крышкой. Я добрался до неё с первой попытки, до фиксатора — с третьей. Мягкая перчатка проскальзывала по маленькому выступу. Снимать её не стал: устроил локоть удобнее и нащупал выемку ногтем через ткань.

Когда соединение удалось переставить, в наушниках коротко ударил собственный вдох. Я уменьшил громкость, произнёс несколько слов и включил прослушивание. На этот раз услышал всё, включая сдавленное ругательство, которое не собирался отправлять будущим спасателям.

Удалил пробу. Повторил цифры спокойно, затем проверил полную посылку от первого слова до последнего импульса. Аварийный маяк всё это время передавал прежнее исправное сообщение, так что молчать в космосе я не успел. Но первая новая попытка вызвать помощь оказалась пустой.

В журнал добавил изменение схемы связи. Через час, если понадобится снова что-нибудь отключать, помнить эту мелочь во всех подробностях я уже мог и не сумею. Заметку закрепил возле перечня потребителей, а остаток времени пересчитал ещё раз. Новое соединение обошлось почти без добавочного расхода.

Я положил правую руку на левую крышку, запоминая её место в темноте. Машина оставалась знакомой, однако после нескольких отказов порядок действий внутри неё успел стать другим. Проверять теперь следовало даже то, что обычно проверялось само.

На обзорной камере заметил несколько точек, которые двигались относительно далёких звёзд. Сначала решил, что это дефекты изображения, но на соседней камере одна из них тоже появилась. Я увеличил картинку. Светлый край, неровная тёмная середина; понять размеры не удалось.

— Сопровождение объекта. Относительное движение.

Борт нарисовал широкий сектор возможных направлений. Данных для расстояния не было. Я попросил убрать границы, которые можно было ошибочно принять за точный расчёт, и оставил саму отметку.

Вскоре точка прошла ближе. На несколько кадров стало видно нечто угловатое, с прямым обрезом и рваным выступом. Назвать это обломком корабля я не мог: никаких кораблей я здесь пока не видел. Но на естественный камень предмет походил мало.

Страх изменился. Пространство вокруг перестало быть совсем пустым. Я долго хотел именно этого и теперь смотрел на неизвестную вещь, не понимая, радоваться ли ей.

Пришлось заняться земной задачей: не встретиться с ней корпусом. Относительная линия проходила в стороне, однако точности не хватало. Я дождался ещё нескольких измерений. Точка начала уходить от края крыла. Тратить газ не потребовалось.

Через несколько минут прошёл второй предмет, ещё дальше. Я включил запись во всех доступных направлениях, сократив частоту кадров. Наш маяк продолжал посылать слова туда же, где перемещались чужие геометрические формы. Кто-то мог их оставить. Когда — другой вопрос.

Борт напомнил о воде. Я хотел убрать сообщение, потом вспомнил врача и достал пакет. Два глотка, пауза. Вкус оставался совершенно обычным. Это почему-то злило: я сидел в невозможной темноте, а вода, ремень, шершавый край перчатки продолжали вести себя как ни в чём не бывало.

Я открыл запись для личного сообщения и несколько секунд смотрел на пустую строку. Можно было назвать родителей, попросить передать брату, что я собирался приехать, сказать что-нибудь окончательное. Вместо этого я закрыл окно.

Пока аппарат держал давление, было рано подводить итог. Я не знал, где нахожусь, но это ещё не означало, что меня уже нет.

Через некоторое время начало запотевать нижнее поле визора. Полоса появлялась на выдохе и уходила медленнее, чем прежде. Я проверил подачу, переключил обдув и увидел, как расчёт оставшегося времени сразу стал менее приятным.

В обычном полёте такая поправка затерялась бы среди других. Здесь каждая минута была видна. Я подождал, пока край очистится, вернул прежний режим и положил руку так, чтобы можно было повторить действие без поиска.

В кабине стало прохладнее. Тепловая проблема самолёта не означала, что тепло удобно распределялось между его частями. Снаружи по-прежнему лежала чернота, а обшивка продолжала избавляться от того, что получила во время разгона. Машина кое-как приспосабливалась к условиям, для которых её готовили лишь на короткое время.

Я попробовал вспомнить точную последовательность у последней точки. Оптическое искажение, расхождение по инерциальному, основное отключение, дублирующее. В памяти первые два события переставлялись местами. Открыл запись и сверил.

Голос Климова звучал нормально почти до самого обрыва. Ни музыки, ни мистических фраз, ни объяснения, которое могло бы сделать случившееся понятнее. Он увидел неисправность и пытался помочь. Я прослушал последние секунды ещё раз, затем остановил воспроизведение на своём ответе.

Очень хотелось услышать продолжение. Хоть раздражённое «Кречет, не занимай канал». Борт не мог его придумать и не пытался. Я был за это благодарен.

Время по часам и журналу после аварии расходилось незначительно. Это ничего не доказывало о месте, где я оказался. Я отметил разницу, не придумывая из неё открытия. Известных величин было мало; особенно глупо было бы испортить и их собственным желанием поскорее найти смысл.

На очередном обзоре заметил свет справа. Он не двигался вместе с остальными звёздами и казался чуть шире точки. Я несколько раз менял увеличение, прежде чем признал: изображение слишком маленькое для уверенного вывода. Борт смог лишь поставить отметку.

На Земле я бы уже знал, кого попросить посмотреть другой аппаратурой. Сейчас пришлось самому переключить камеру, выждать и сравнить. Свет изменился. Либо объект поворачивался, либо между ним и нами что-то проходило. Наконец на нескольких кадрах появились две отдельные точки, близкие одна к другой.

Я включил основную радиостанцию на короткую посылку. Снова назвал позывной, сообщил о живом человеке, попросил помощи. Потом повторил по-английски, хотя для выбора английского в этой обстановке не было никаких разумных оснований, кроме наличия у меня второго языка.

Точки потускнели.

Почти сразу я испытал желание повторить громче. Усилить сигнал, добавить огни, повернуть самолёт. Вместо этого посмотрел на время, потребление передатчика и расход газа. Направление могло оказаться бесполезным. Неизвестный объект мог находиться так далеко, что ещё долго не увидит ни одной моей попытки.

Я разрешил три посылки с интервалом и отключение по окончании. Потом отвернулся от правой камеры, чтобы не изменить решение только из-за собственного нетерпения.

В аварийной сумке лежал бумажный перечень действий после вынужденного покидания. Я знал его достаточно хорошо и всё равно достал. Проверить комплект, оценить травмы, обеспечить укрытие, подать сигнал. Дальше начинались пункты, рассчитанные на человека, у которого под ногами есть грунт или вода.

Я провёл пальцем по краю листа. Первые действия были выполнены настолько, насколько позволяла обстановка. На остальных инструкция заканчивалась для меня раньше, чем для составителей.

Убрал бумагу. Снова проверил дыхание и показания. Затем дал себе пять минут, в течение которых не собирался открывать ни один уже проверенный экран без нового предупреждения.

Вышло меньше двух. Рука сама потянулась к навигации, и я поймал её на половине движения. Положил обе ладони на бёдра. Посидел так, слушая короткие включения оборудования.

В голову пришло, что на Земле сейчас должны готовить поисковые борта. Время после потери связи уже вышло далеко за рамки обычной паузы. Последняя точка, расчётный сектор, проверка аэродромов. Возможно, кто-то смотрит на ту самую зелёную линию возвращения, которую я убрал со своего экрана.

Я не знал, сообщат ли семье сразу. Надеялся, что не сразу, и тут же понимал, что никакого правильного срока для подобного звонка не существует. Всё, что я мог для них сделать, сводилось к тому, чтобы продолжать сидеть в герметичной кабине, экономить запас и не пропустить чужие огни.

Пять минут закончились. Я вернулся к камерам. Две точки больше не различались; на их месте было слабое пятно. Оно могло уйти в сторону, повернуться или исчезнуть за другим предметом. Я сохранил запись и не стал её подписывать словом «корабль».

* * *

Через два часа с небольшим после исчезновения Земли внешняя камера потеряла несколько ориентиров справа. Большое тёмное пятно закрывало звёзды и увеличивалось. Я не сразу поверил, что вижу новое событие: до этого камеры успели несколько раз предложить надежду на уровне нескольких пикселей. Увеличил изображение, вернул общий вид и проверил, не разворачивается ли сам самолёт.

Вращения почти не было. Объект приближался самостоятельно.

Я открыл полный резервный обзор, хотя это увеличивало расход. Впервые за всё время дополнительная энергия уходила на задачу с наблюдаемым результатом. По двум камерам стало заметно, как меняется положение тёмного края. Борт начал оценивать сближение и выдал предупреждение, не окрашивая его в красный: для уверенной оценки не хватало расстояния.

— Без автоматического уклонения, — сказал я. — Только сопровождение.

Подтвердил запрет отдельно. Ни самолёт, ни я не знали, что именно происходит. Но автоматическая попытка защититься от большого объекта, который, возможно, пришёл нас спасать, могла оказаться последним неправильным действием.

Я подготовил два коротких импульса для гашения вращения. Больше в распоряжении всё равно почти ничего не было. В атмосфере за запасом скорости и высоты стояли десятки возможных решений. Здесь мой опыт сжался до выбора момента, когда следует убрать руку с управления.

Корабль поворачивался. Название уже напрашивалось, хотя я по-прежнему не мог доказать его принадлежность или назначение. Стало видно, что разные части корпуса темнеют по-разному. На одной свет лежал ровно, на другой распадался на полосы. Где-то торчали рамы, где-то поверхность казалась новой, а рядом шёл участок с неровными краями.

Я искал признаки, которые мог бы узнать: флаг, номер, знакомую форму антенны. С таким же успехом можно было искать номер дома на горном склоне. Ничего человеческого в уверенном смысле слова я не нашёл.

Собственное отражение мешало видеть. Я уменьшил свет в кабине ещё на одну ступень и прижал ладонь к краю панели, закрывая блик. На мгновение передо мной остались только чужая поверхность и несколько тихих строк прибора.

Всё, что до этого я читал про первый контакт, начиналось слишком далеко от настоящего ощущения. Книги оставляли герою возможность спросить, выстрелить, убежать, договориться. Я пока мог только включить огни, сообщить о себе и надеяться, что по другую сторону тоже существует причина не ломать найденный аппарат.

Проверил, что фонарь заперт. Убедился в готовности подачи через маску. Нож оставил в сумке: доставать его перед существами, способными построить такое, не хотелось по множеству причин.

Маяк закончил очередное сообщение и начал паузу. Я включил передачу вручную.

— Аварийный аппарат, — сказал я в передатчик. — На борту один человек. Требуется помощь.

По длинной стороне корпуса прошёл свет, задержался на моём крыле и погас. Я прижал язык к нёбу, пытаясь заставить пересохший рот работать.

— Борт, запись наружного обзора. Не прерывать.

— Запись ведётся.

Я знал, что ведётся. Хотелось услышать голос, который хотя бы понимает мои слова.

От большого объекта отделилось что-то маленькое. В первое мгновение показалось, что в нас летит обломок. Потом оно замедлилось и осталось сбоку от фонаря, удерживая расстояние с точностью, недоступной свободно летящему куску металла. На его поверхности открылись два светящихся кружка.

Мне хотелось отвернуться. Я заставил себя смотреть. Предмет медленно обошёл самолёт сверху, задержался над правой частью корпуса и опустился к носу. Никаких видимых двигателей я не разглядел. Это говорило только о качестве моего обзора, а не об отсутствии двигателей.

— На борту один человек, — повторил я. — Мне нужна помощь.

В передатчике было тихо. Маленький предмет развернулся ко мне плоской стороной. По ней пробежала цепочка огней — слишком быстро для простого сигнала, который я мог бы уверенно повторить. Я поднял руку и держал её так несколько секунд.

Огни изменились. За ними могла стоять реакция на движение, а мог продолжаться прежний цикл. Я не стал приписывать ему понимание. Положил руку обратно, затем снова поднял. Предмет отодвинулся и ушёл под нос, где его потеряла передняя камера.

В кормовом обзоре обнаружился второй. Он двигался вдоль стабилизатора, не касаясь поверхности. Два согласованно действующих механизма. Большой корпус позади. Я мог придумать для этой картины несколько земных слов, но ни одно не делало её земной.

Борт выдал предупреждение о внешнем воздействии на измерительный тракт. Я потребовал показать последствия. Часть каналов на короткое время зашумела; питание, давление и дыхание оставались стабильны. Неизвестные аппараты то ли изучали нас, то ли мешали случайно. Включать что-нибудь мощное в ответ мне было нечем, а стрелять из аварийного комплекта — не по чему и незачем.

Пальцы всё равно нащупали застёжку сумки возле бедра. Я заметил это движение и убрал руку. Оно не имело отношения к управлению ситуацией, зато хорошо показывало, насколько плохо я с ней справлялся внутри.

Маленькие аппараты отошли одновременно. На большом корпусе между двумя линиями огней возникла тёмная щель. Она расширялась, пока не стала заметно больше моего самолёта.

Я снова проверил остаток воздуха и энергии. Запаса ещё хватало, чтобы какое-то время сидеть здесь. Хватало ли его, чтобы дождаться другого корабля, не знал ни я, ни борт. Впрочем, предложение выбирать пока никто не делал.

Когда нас потянуло внутрь, первое предупреждение дал не акселерометр, а камера: край раскрытого проёма пополз относительно носа. Я попробовал оценить относительную скорость и сразу получил слишком большой разброс. Внутри светились полосы, за которые борт цеплялся как за неподвижные ориентиры. Неподвижными они могли и не быть.

— Сопровождать только кромку. Поправку не вводить.

Машина подтвердила. Я держал руку на управлении, но не шевелил ею. Если неизвестная сила вела нас аккуратно, бороться с ней короткими импульсами значило добавить вращение. Если собиралась разбить об край — я всё равно успел бы сделать совсем немного.

Правое крыло прошло близко к выступающей секции. Внутри всё сжалось. На камере расстояние выглядело меньше, чем на схеме. Я уже приготовился к касанию, но самолёт мягко сместился, сохранив положение. Выступ остался снаружи.

Только теперь стало ясно, насколько огромным был открытый отсек. У дальней стены лежала изогнутая конструкция, похожая на оторванную часть кольца. Рядом помещалось что-то многогранное, обмотанное широкими полосами. Мой самолёт между ними выглядел слишком новым и слишком целым.

Нас повернуло вдоль свободного пространства. С пола поднимались опоры, но до корпуса не доставали. Я дождался, пока движение замедлится, открыл механический выпуск шасси и следил за камерой: до поверхности ещё оставался просвет. Стойки вышли и зафиксировались. Хорошо, что им для этого не требовалась родная атмосфера.

Первое касание получилось едва заметным. Затем появился вес — небольшой, непривычный после невесомости. Я не увидел ни вращения отсека, ни манёвра, который мог бы это объяснить, и отложил вопрос. В течение последних часов у меня накопилась целая очередь вопросов, которым предстояло постоять.

Большая створка двигалась медленно. Полоска звёзд становилась уже, пока совсем не исчезла. По правде говоря, я думал, что испытаю облегчение, когда перестану видеть открытый космос. Вместо этого стало тесно: теперь я находился внутри чужой машины, о которой не знал вообще ничего.

Датчик наружного давления ожил. Значение росло, затем остановилось. Я проверил, нет ли утечки из нашей кабины. Давление внутри не изменилось, запас дыхания тоже. Воздух пришёл снаружи.

Две фигуры показались возле бокового прохода. Я включил переднюю камеру, увеличил изображение и сначала разглядел только светлые оболочки, длинные ноги и одинаковое движение голов в мою сторону. Походка была слишком уверенной для того, кто впервые видит запёртый неизвестный аппарат.

Я поправил ремень. Рука снова легла возле замка фонаря и осталась там. Торопиться с открытием я не собирался.

Глава 3. Первый контакт

Я сначала посмотрел на руки. Длинные, с явно различимыми пальцами. Затем на головы. У того, кто шёл первым, шлем был прозрачным, и лицо за ним не позволило мне сохранить ни одной удобной версии.

Серо-голубая кожа. Крупные тёмные глаза, тяжёлые верхние веки, узкие подвижные линии по бокам шеи. Он приблизился к кабине и остановился. Сидя в кресле над землёй, я привык смотреть на людей сверху. Теперь почти не пришлось опускать голову.

Пальцы сжали ручку управления. Я разжал их по одному. Существо за фонарём подняло раскрытые ладони и замерло.

Мне хотелось проверить лицо ещё раз: найти шов, маску, человеческие глаза под чужой оболочкой. Ничего такого я не увидел. Оно смотрело на меня внимательно и, насколько я мог судить, без спешки.

Второе существо вынесло небольшой предмет. Над ним появилось изображение моего самолёта, затем фигура в кабине. Высокий показал на неё, на меня и сделал движение к замку фонаря.

Я покачал головой. Он опустил руку.

Второй поднял свой прибор к прозрачной части фонаря. Я выставил ладонь, и он остановился, не касаясь стекла. Тонкая полоса света прошла по кабине; над прибором появилась моя фигура с несколькими цветными участками. Пришлось просидеть неподвижно ещё минуту. Только когда участки стали одного цвета, существа снова заговорили между собой.

Рядом с изображением сменились знаки. Ни один ничего мне не говорил. Я указал на дыхательное соединение у шлема. Высокий посмотрел, обменялся несколькими звуками со вторым и снял собственный шлем.

Сам по себе этот опыт доказывал только то, что он умеет здесь дышать. Я включил внешний пробоотборник. На проверке атмосферы машина сохранила знакомую обстоятельность: давление, кислород, примеси, пороговые значения. По тем веществам, которые борт мог определить, непосредственной угрозы не было. Неизвестные микроорганизмы и биологию хозяев он не оценивал.

Я оставил свой шлем закрытым и открыл фонарь. Перевёл дыхательный контур на наружный воздух через фильтр, сделал несколько осторожных вдохов. Ничего необычного не почувствовал. Только после этого отстегнул маску, оставив шлем на голове. Воздух пах нагретым металлом; запах смешался с привычным запахом кабины, и происходящее стало окончательно настоящим.

Высокий заговорил. Низко, с мягкими гортанными звуками. Я не понял даже, где закончилась фраза.

— Тимофей, — сказал я и коснулся груди. — Человек.

Он попытался повторить первое слово. Затем приложил ладонь к себе.

— Саар.

Похоже на имя. Я повторил, он снова произнёс тот же звук и слегка наклонил голову. Для проверки словаря у нас было маловато материала, но пока я решил считать его Сааром.

Снаружи к борту придвинули платформу. Высокий отступил от края и показал на неё. Я проверил, что сумка закреплена, взял аварийный резак и вылез из кресла.

Ноги слушались хуже, чем хотелось. Платформа оказалась твёрдой, и я ощутил собственный вес. Каким способом здесь обеспечивали это ощущение, выяснить было не у кого. Я просто постоял, держась за край кабины. Затем снял шлем и взял его под мышку.

Саар следил за моими движениями. Когда я спустился, он указал в сторону широкого прохода. Я не двинулся. Показал на самолёт, затем на себя.

— Со мной. Это тоже.

Он повернулся к машине, развёл руки и повторил жест приглашения. Обещал ли он сохранить самолёт, не понял. Я мог остаться возле него или уйти с теми, кто только что дал мне воздух.

Остался бы — что дальше? Сесть обратно и дожидаться, когда закончится питание? Пришлось признать, что у сомнений сейчас больше оснований, чем практической пользы.

Я записал на камеру борта стоящих передо мной существ, площадку и ближайший проход, затем выключил внешние потребители. Машина осталась под охраной собственной закрытой кабины, бесполезной против техники, сумевшей втащить её сюда без троса. Всё равно защёлка щёлкнула успокаивающе.

Саар повёл меня по широкому коридору. Двери открывались без прикосновения. Иногда он перед этим на мгновение останавливал взгляд; иногда створки расходились ещё до нашего приближения. Датчики, удалённое управление, что-то встроенное в одежду — вариантов хватало. Я отметил эту особенность и перестал искать ручки.

На полдороге Саар остановился возле узкого прохода. Перед ним по полу зажглись полосы, и он выставил руку поперёк прохода. Я затормозил раньше, чем успел решить, запрещают мне идти дальше или просят переждать.

Из бокового отсека появилась длинная платформа. На ней лежал обломок с зубчатым краем, закреплённый так низко, что один зуб почти касался пола. Платформа прошла без звука мотора; слышно было только, как поскрипывает что-то в креплениях. Саар дождался, пока последний выступ скроется за поворотом, опустил руку и двинулся дальше.

Я посмотрел на погасшие полосы. Первое здешнее правило движения оказалось доступно без переводчика: если тебе перекрывают дорогу рукой, прежде чем обижаться, полезно оглянуться.

В коридоре нас обошёл ещё один член экипажа. Ни оружия, ни знаков, похожих на земные погоны, я не заметил. На рукаве его светлой оболочки темнело широкое пятно, а в руках он нёс предмет с несколькими жёсткими отводами. Он обменялся с Сааром короткими фразами, посмотрел на меня и задержал взгляд на шлеме.

Я машинально прижал его к боку. Незнакомец показал на крепление возле моего плеча. Потом коснулся собственного воротника и что-то сказал медленнее. Это не помогло.

— Снимать не хочу, — сообщил я. — Спасибо за заботу, если это она.

Саар вернулся на шаг, указал на торчащий разъём и провёл ладонью вдоль стены. Разъём действительно выступал далеко. Я спрятал конец соединения под ремень. Оба сразу потеряли к нему интерес.

От этого небольшого недоразумения стало неловко. Я уже успел представить попытку отобрать часть снаряжения, а меня, похоже, всего лишь предупреждали, что я сейчас зацеплюсь. Паранойя имела основания, но работала с чрезмерным усердием.

У следующей двери Саар остановился и произнёс несколько слов. Створка открылась. Я невольно посмотрел на его рот, затем на проём. На самолёте я сам только что разговаривал с автоматикой; здесь это казалось гораздо более тревожным. Возможно, потому, что приказ открыть дверь исходил не от меня.

Саар заметил задержку и отступил, оставляя проход свободным. В комнате никого не было. Я сначала разглядел второй выход, потом стол и скамьи. Именно в таком порядке.

Саар принёс прозрачную ёмкость и закрытую упаковку. Сам вскрыл другую, отломил кусок светлой массы и съел. Я благодарно кивнул, но достал свой аварийный рацион.

Он посмотрел на пакет у меня в руке, затем на оставленную еду. Я приложил ладонь к животу и покачал головой. Объяснение вышло неточным, зато он не обиделся: подвинул чужую упаковку в сторону и сел напротив.

Вторая скамья была рассчитана на его рост. Мои ноги не доставали до пола. Я заметил это только после того, как перестал проверять все двери одновременно.

— На переговорах важнее всего правильно выбрать высоту стула, — сообщил я.

Саар медленно наклонил голову. Потом посмотрел на мои ботинки, встал и принёс низкую подставку. Я поставил на неё ноги.

— Спасибо. Вот теперь я представляю державу.

Он, разумеется, не понял слов. Но я впервые улыбнулся ему, не проверяя прежде, как близко лежит резак.

Когда я закончил есть, Саар принёс плоскую тёмную пластину. Она лежала на столе без опор, но изображение над ней держалось вертикально. Сначала возникла моя фигура возле самолёта. Потом — лицо, слишком похожее на меня, чтобы считать его случайным рисунком.

Я замер. На изображении были даже царапина на шлеме и залом у левого плеча. Значит, нас успели записать достаточно подробно. Ничего удивительного в самом факте съёмки не было; меня смущала лёгкость, с которой чужая техника уже распоряжалась моим видом.

— Тимофей, — повторил я, коснувшись груди.

Саар произнёс имя за мной. На пластине появились несколько знаков. Он показал на себя и снова назвался. Его портрет встал рядом с моим.

С третьей попытки я понял, что он ждёт повторения. Произнёс «Саар». Он поправил один звук, я попытался ещё раз. На Земле мне хватало проблем с отдельными английскими фамилиями; тут к фамилиям добавилась совершенно чужая гортань.

Следом он вывел ещё несколько лиц. Такие же крупные глаза, серо-голубая кожа, отличия в форме головы, которые я пока замечал плохо. Провёл рукой вдоль всего ряда и произнёс короткое слово. Я повторил его приблизительно: «талари».

Саар коснулся своей груди, указал на лица, затем на человека на противоположной стороне изображения. Может быть, это было название его народа. Может быть — экипажа. Я не стал делать вид, что разобрался, и просто повторил звук ещё раз.

Моя очередь вышла хуже. Я сказал «человек», показал на себя, потом нарисовал пальцем в воздухе несколько условных фигур. Пластина поймала движение и превратила его в неровные светлые линии. Я от неожиданности замер. Саар тоже посмотрел на них — и, кажется, понял рисунок даже меньше, чем я ожидал.

— Ладно. Художника на первом контакте не предусмотрели.

Он ответил негромким грудным звуком. По контексту это мог быть смех, но с контекстом у нас пока было плохо.

Я попросил пластину жестом. Саар передвинул её ко мне и показал, как убрать изображение. Получилось со второго раза. На пустом поле нарисовал круг, ещё один круг поменьше и человечка на большом. Затем изобразил самолёт и стрелку.

Саар долго смотрел. Потом добавил точку возле самолёта и вопросительно поднял голову. Я кивнул, хотя не был уверен, с чем соглашаюсь. Через несколько секунд он соединил маленький круг с нашим кораблём.

Мне пришлось всё стереть.

Если объяснять положение Земли столь же успешно, спасатели вполне могли отвезти меня к ближайшей круглой детали. Я достал из аварийной сумки блокнот и короткий карандаш. На бумаге, по крайней мере, линии появлялись именно там, где я намеревался их оставить.

Нарисовал Солнце, орбиты, Землю с Луной. Без масштаба: честный масштаб оставил бы на странице почти одну пустоту. Саар склонился над блокнотом. Я указал на третью орбиту и на себя. Потом на самолёт и поднял руки, показывая, что оказался здесь неожиданно.

Саар взял свою пластину. Над ней возникла объёмная россыпь светящихся точек, между которыми тянулись линии. Он поворачивал её, останавливался возле отдельных узлов, смотрел на меня. Я не мог выбрать ни одного.

Неприятное открытие состояло в том, что я не умел объяснить дорогу домой даже на хорошем русском. Знал названия, общие расстояния, место Солнца в нашей галактике настолько, насколько это знает человек, любящий смотреть на звёзды. Для навигатора, стоящего совершенно неизвестно где, этого могло не хватить.

Я раскрыл ладони. Саар некоторое время ещё двигал карту, затем погасил её. Никакой раздражённости я не заметил. Он придвинул воду и дал мне время.

Сказать «дал время» было, возможно, слишком смелым переводом неподвижности. Но я решил принять именно его.

Воду следовало проверить. Запас из самолёта оставался, однако рассчитывать на него бесконечно я не мог. Я вынул небольшую пробирку из аварийного набора, капнул реагентом в пробу и дождался результата. Проба позволяла проверить лишь несколько известных примесей. Пластина Саара за это время сменила несколько изображений; он наблюдал за моими действиями с явным интересом.

Я показал пробу, свою бутылку, затем жестом попросил другую чистую ёмкость. Он принёс сразу три. Я выбрал самую маленькую и сделал один глоток. Вода не имела заметного запаха, вкус тоже ничем не удивил.

Саар потянулся к оставленной упаковке еды. Я остановил его ладонью, показал на живот и изобразил ожидание. Он убрал упаковку обратно. Не спорил, не обижался, не пытался доказать, что его кухня самая безопасная в известной ему Вселенной.

Мы снова занялись словами. Вода получилась сразу, «ещё» — после небольшой путаницы, «нет» оба поняли достаточно быстро. С «позже» пришлось повозиться. Саар воспринял мой жест как просьбу отодвинуть стакан подальше. Я повторил движение, он отодвинул ещё. В конце мы оба смотрели на стакан у противоположного края стола.

— На сегодня с философией всё, — сказал я. — Вернёмся к существительным.

На этот раз его грудной звук сопровождался заметным движением уголков рта. Я позволил себе считать, что он смеётся.

После еды я попросил вернуться к самолёту. Точнее, нарисовал крыло, указал на дверь и встал. Саар вздохнул — или издал похожий звук — и поднялся следом. По тому, как он сначала взглянул на оставленную пластину, я решил, что у него имелись и другие занятия.

В грузовом отсеке возле машины работали двое. Один стоял под правым крылом, второй двигал невысокую опору. Я остановился у входа, почувствовав знакомый толчок в животе. Любой человек, которому дорог самолёт, неприятно реагирует на чужие руки под открытой панелью. Здесь рук было достаточно, а права задать хоть один вопрос у меня не было.

Панель, к счастью, оставалась закрытой. Опору подводили под длинную раму, на которой собирались разместить весь самолёт. Я обошёл нос и увидел, что стойки уже охвачены широкими креплениями. Один из работавших показал на них, потом на меня и сделал ладонью движение вниз.

Я не понял. Он повторил. Саар поставил меня сбоку от крыла, указал на пол и удержал ладонь у моего плеча. Стой здесь — это было достаточно вероятно.

Рама поднялась вместе с самолётом на несколько сантиметров. Переднее колесо едва заметно повернулось и остановилось в своём углублении. Работающие следили за креплениями, а не за мной. Понадобилась почти минута, чтобы я поверил: они не раздевают машину на детали у меня на глазах. Просто размещают её так, как умеют.

Я дождался, пока движение закончится, и попросил подойти. Саар убрал руку. Люки оставались закрытыми. Никаких следов на кромках я не нашёл; над новой меткой возле стойки задержался дольше, чем следовало.

— Это что? Номер? Владелец? Цена?

Метка ничего не ответила. Саар вывел изображение самолёта и показал рядом несколько знаков. Объяснение стало красивее, но понятнее — ненамного.

Я полез в кабину и увидел остаток заряда. После выключения основных потребителей расчёт стал спокойнее, хотя держать машину в готовности долго всё равно не получилось бы. Сохранил очередной журнал, отключил уже ненужный маяк и отдельно проверил блокировку экспериментального контура. Убедился, что защита записи не слетела при переходе на экономный режим.

Климов бы первым делом потребовал полный массив. Не мои впечатления, не удачные картинки, а все измерения подряд. Я вызвал состояние регистратора и несколько секунд смотрел на номер изделия. Шестидесят один. Знакомый индекс, единственный здесь адрес, который я мог назвать без оговорок.

Снизу тихо постучали по борту. Я выглянул. Саар показывал на руку, потом на мою голову; по его лицу было трудно понять, зовёт он меня выйти или спрашивает о самочувствии. Я поднял большой палец, вспомнил, что этот знак может ничего не значить, и добавил кивок.

На соседней площадке включился механизм. Под корпусом длинного обломка разошлись тонкие опоры, и я сразу убрал взгляд. Паук размером со стол был бы скверной новостью. Устройство с похожим силуэтом хотя бы не обязано было проявлять самостоятельный интерес к человеку.

Саар заметил движение, посмотрел туда же и сказал что-то короткое. Я не стал объяснять. В резюме представителя человечества на данный момент и так имелось достаточно слабых мест.

Из кабины я забрал бумажную карточку полёта. Она была закреплена сбоку, электронное задание дублировало её по необходимым пунктам. Теперь лист мог пригодиться хотя бы как образец моей письменности. На нижнем краю стояли утренние подписи, среди которых я сразу нашёл размашистую климовскую.

Я сложил карточку так, чтобы не повредить текст, и убрал в сухой отсек сумки. Телефон остался на Земле, фотографий семьи с собой не было. Приходилось беречь то, что оказалось под рукой.

Спускаясь, я ещё раз показал на самолёт и на себя. Саар ответил тем же жестом, не добавив к нему ничего, что я сумел бы перевести. Ни обещания вернуть машину, ни отказа я не получил. Зато, когда попросил обойти левый борт, мне не помешали.

Проверку закончил сам. Закрыв фонарь, провёл ладонью по тёплой обшивке и пошёл к проходу. За спиной люди, которых я ещё не мог уверенно называть людьми, продолжили закреплять мою машину рядом со своими находками.

У прохода я заметил, что правая перчатка испачкана кровью. Совсем немного, полоска возле большого пальца. Снял её: на коже была неглубокая ссадина, которую раньше не чувствовал. Вероятно, задел край панели, когда тянулся к размыкателю. В кабине для таких подробностей хватало более срочных задач.

Саар остановился рядом. Я поднял ладонь, показывая, что ничего серьёзного, но он уже позвал второго. Тот принёс прозрачный футляр и открыл его передо мной.

Я не взял предложенный маленький цилиндр. Показал на повреждённое место, затем на свою кожу и на Саара, пытаясь объяснить разницу. Он посмотрел на цилиндр, на меня и убрал средство. Вместо него достал белую подушечку в закрытой оболочке.

С перевязочным материалом договориться оказалось легче, хотя сперва я всё равно воспользовался салфеткой из собственного набора. Саар наблюдал без обиды. Подал раскрытую упаковку, придержал край, когда я одной рукой не сумел его поймать. Через минуту всё закончилось.

Я показал целую ладонь, сжал пальцы и улыбнулся. Он ответил короткой фразой, в которой я различил только собственное имя. Пожелание здоровья, замечание о моей ловкости или просьба не пачкать стены — перевод мог подождать.

Открытую упаковку я понёс к ближайшему углублению в стене. Саар поймал мой локоть до того, как я успел её бросить, и указал на другую ёмкость. В первой лежали одинаковые небольшие детали. Я извинился по-русски и убрал мусор туда, куда показали.

За всё время знакомства он пока ни разу не попросил меня сделать что-нибудь трудное. Выйти из кабины. Поесть. Не зацепиться за стену. Выбросить упаковку в правильное место. Я умудрялся превращать каждую просьбу в переговоры. Саар лишь проверил повязку взглядом и снова повёл меня к жилым помещениям.

На обратном пути Саар остановил меня возле небольшой стеновой ниши. Указал на сумку, затем на закрывающуюся секцию. Я прижал сумку ближе. Он посмотрел на мои руки и вернулся к уже знакомой пластине.

Над ней возникло изображение ножа. Потом он показал на мой бок. Резак я забрал из кабины, когда выбирался наружу, и крепление действительно было хорошо видно. Неожиданно все приятные выводы о хозяевах корабля пришлось отложить.

— Не отдам, — сказал я, сам понимая, что начать разговор хуже почти невозможно.

Саар не двинулся. Показал на нож, на нишу и развёл руки. Я видел инструмент, предназначенный для разрезания ремней и тонких элементов при аварии. Он мог видеть вооружённого незнакомца, который с подозрительным упорством ходит по кораблю.

Я медленно снял резак с крепления. Не выдвигал лезвие, держал за закрытый корпус. Саар опустил плечи — или мне захотелось это увидеть. Когда я положил инструмент в нишу, он закрыл секцию, затем сразу открыл её и отступил.

Я посмотрел на него. Достал резак. Он не помешал. Убрал обратно. Саар коснулся небольшой пластины у двери и показал такую же на внутренней стороне. Потом вложил в мою ладонь короткую съёмную деталь.

Проверку мы повторили ещё раз. С деталью ниша открывалась, без неё — нет. Мог ли Саар открыть её другим способом, я не знал. Сейчас мне предлагали убрать выступающий предмет и оставляли возможность забрать его самому. Этого было больше, чем я ожидал минуту назад.

Я сложил туда резак и часть тяжёлого снаряжения. Бумаги, часы и небольшой запас воды оставил при себе. Ключ убрал в карман, предварительно убедившись, что карман действительно застёгнут.

— Договорились, — сказал я.

Саар повторил последний звук, явно не пытаясь выговорить слово целиком. Затем указал на грудь и произнёс своё имя. Я тоже назвал. Возможно, со стороны это выглядело так, будто мы знакомимся в третий раз. На деле разговор сделал для знакомства больше, чем предыдущие попытки нарисовать Солнечную систему.

Возле стола сидел ещё один член экипажа. Он поднял взгляд, когда мы подошли, и сделал рукой короткий жест в мою сторону. Саар ответил. Незнакомец подвинул свою посуду, освобождая место, хотя я вовсе не собирался садиться рядом.

На пластине перед ним двигалось изображение светлого помещения. В глубине я разглядел маленькую фигуру с непропорционально большой головой. Она приблизилась и помахала рукой. Член экипажа ответил, изменив голос настолько заметно, что я остановился.

Я не знал, смотрю ли запись или прямую связь. Не мог уверенно назвать маленькую фигуру ребёнком. Но интонация взрослого была настолько узнаваемой, что для неё не потребовался словарь.

Саар тронул меня за плечо и повёл дальше, оставляя собеседнику его разговор. Я пошёл сразу. Смотреть дольше было бы невежливо в любой понятной мне трактовке.

В коридоре пришлось остановиться. Никакой новой опасности не возникло. Просто чужой голос, обращённый к маленькой фигуре на экране, внезапно напомнил, как отец разговаривает с братом, когда тот приезжает помогать. Брат давно взрослый, а отдельные интонации всё равно остаются теми же.

Саар подождал рядом. Не задавал вопросов — или задавал, но я не сумел их выделить. Я вытер ладонью лицо, хотя слёз не было, и показал, что можно идти.

У стола он вернул мне пластину с изображениями. На ней оставались вода, еда, дверь и наши лица. Я коснулся знака, который уже несколько раз сопровождал благодарность, и посмотрел на Саара. Он задержал взгляд, затем ответил своим привычным наклоном головы.

Не уверен, что знак означал именно спасибо. По крайней мере, в этот раз мне не принесли дополнительный стакан.

Мы ещё немного повозились с картинками, но надолго меня уже не хватило. Внимание распадалось. Я дважды забыл, какой из нарисованных кружков означал Землю, а какой — место, где он меня подобрал. Саар убрал пластину с изображениями, указал на мои глаза и приложил руку к боку головы.

Кажется, предлагал отдохнуть. На этот раз я спорить не стал.

Меня отвели в маленькое помещение с широкой лежанкой. У дальней стены находилась углублённая секция с гладкой крышкой. Её назначение оставалось загадкой, и я пока выбрал не экспериментировать. Саар поставил принесённую воду возле входа, показал на открытый проход и ушёл.

Дверь не закрылась.

Я проверил её снаружи, потом изнутри, нашёл достаточно места, чтобы сидеть спиной к стене, и положил сумку под руку. На часах прошло меньше половины суток с момента, когда я читал сообщение брата. Я представил, как объясняю ему пропущенную субботу, и впервые за всё время ощутил такую усталость, что не смог закончить мысль.

* * *

Проснулся я от собственного рывка. Несколько секунд казалось, что ремни ослабили и меня уводит от кресла. Потом ладонь нащупала край лежанки, глаза нашли высокий потолок, и тело постепенно согласилось с тем, что кресла здесь нет.

Дверь оставалась открытой. Из коридора доносился негромкий разговор и сухое постукивание. Я сел, посмотрел на часы и понял, что спал меньше двух часов. Ощущение было такое, словно пропустил целый день.

Вода стояла на прежнем месте. Живот не болел, голова тоже — кроме обычной тяжести после сна в снаряжении. Я сделал ещё несколько глотков, ослабил воротник и занялся бытовой задачей, от которой не избавляли ни космос, ни первый контакт.

В углублении у стены оказался складной элемент, назначение которого стало чуть понятнее после осмотра. Я осторожно коснулся края. Поверхность отозвалась светом. Сразу убрал руку и прислушался: за дверью ничего не изменилось. Ещё одна попытка открыла крышку.

Позвать Саара было бы разумно. Объяснять ему причину — неизбежно. Я вышел в коридор и нашёл его за два поворота: он стоял перед открытой секцией в стене, придерживая одной рукой узкий блок. Увидев меня, не бросил работу. Что-то сказал человеку рядом, закрепил блок, только потом повернулся.

Это почему-то успокоило. Мой спаситель не провёл всё время возле двери, наблюдая за диковиной. У него был корабль с собственными заботами.

Объяснение заняло меньше времени, чем я опасался. Саар принёс пластиковое кольцо, показал на углубление и демонстративно отошёл. Когда я вернулся в коридор, уже ждал возле стола. Взгляд у него был совершенно серьёзным. Я постарался ответить таким же.

— Когда-нибудь я выучу ваш язык, — сказал я. — И мы оба сделаем вид, что этой беседы не было.

Он протянул мне новую упаковку, на которой светился другой знак. Рядом поставил небольшую порцию содержимого и указал на неё, потом на меня. Я достал последний открытый земной рацион. Еды в аварийном запасе ещё хватало, но в какой-то момент всё равно предстояло решить, что делать дальше.

Съел маленький кусок. Мягкая масса была тёплой, с непривычным сладковатым привкусом. Саар не стал подкладывать добавку. Мы просидели некоторое время, возвращаясь к воде, изображениям и нескольким выученным словам.

В соседней комнате кто-то смеялся. Я различал голоса лучше, чем раньше: один говорил низко и почти без пауз, другой отвечал коротко, с щёлкающим концом фразы. На стене возле стола появилась картинка, несколько фигур двигались по ярко освещённой площадке. Саар глянул на неё, издал недовольный звук и убрал.

Что это было — новости, соревнование, чужая реклама, — я не знал. Но впервые увидел, как он реагирует на вещь, не имеющую отношения ко мне. До этого экипаж существовал в моей голове главным образом как неизвестная сила, которая может помочь или навредить. Теперь у этих существ обнаружились свободные минуты и причины сердиться на изображение на стене.

Потом свет над столом изменился. Саар сразу поднялся. Другие тоже начали расходиться, не торопясь, но без прежних пауз. Он показал на мою комнату и сделал уже знакомое движение ладонью вниз. Я пошёл.

У лежанки появились два широких ремня. Саар показал, как они соединяются, проверил, что я могу расстегнуть их сам, и оставил дверь открытой. Я не знал, готовятся здесь к манёвру, к работе или просто считают нужным пристегнуть непонятливого пассажира. В любом случае протестовать против ремней было бы странно человеку, который привык летать только в них.

Я сел и затянул поясной. Второй перекинул через плечо. Замок оказался удобным, но выпуск я всё-таки попробовал ещё раз. Саар терпеливо дождался, пока я закончу, и ушёл.

Несколько минут ничего не происходило. Потом пол ощутимо дрогнул, а открытый проход осветился белым. Я не успел встать: свет изменился ещё раз и погас.

В узком окне у противоположной стены коридора оставались звёзды. Их рисунок был другим — или мне так показалось после вспышки. Я всмотрелся, пытаюсь найти хотя бы две знакомые точки, и не нашёл. Ни сильной перегрузки, ни привычного разгона не было.

Я проверил часы. Стрелка двигалась как прежде. Где бы мы сейчас ни оказались, для неё никаких особых условий не возникло.

Корабль продолжал жить, как будто произошедшее не требовало отдельного обсуждения.

Я хотел домой. Пока это желание не давало ни направления, ни способа добраться. На завтра у меня имелась более скромная задача: выучить достаточно слов, чтобы наконец спросить, куда мы летим.

Глава 4. К людям

Саар разбудил меня, постучав по косяку. Я открыл глаза и несколько мгновений пытался вспомнить, почему потолок такой высокий. Потом увидел его лицо, руку на дверном проёме и сумку, которую всю ночь прижимал локтем.

Саар дождался, пока я сяду. Показал на коридор, затем поднёс ладонь к глазам, словно предлагал посмотреть. Я кивнул и начал собираться.

Я умылся водой из оставленной ёмкости и разобрал вещи. После вчерашних объяснений часть бытовых приспособлений уже не пугала, но пользоваться всем подряд я пока не решался.

Я забрал резак и оставленное снаряжение из ниши. Саар дождался, пока я проверю сумку, и сначала повёл меня к самолёту. Машина стояла на отдельной раме, рядом лежала наша вчерашняя платформа. Никаких снятых панелей я не увидел. На носовой стойке оставалась знакомая метка из нескольких светящихся знаков.

Я обошёл истребитель. Люки закрыты, фонарь заперт. Контрольная запись борта сохранилась. Возле правого крыла остановился второй член экипажа, провёл ладонью над меткой и отступил, предоставив мне место.

Я коснулся самолёта, потом собственной груди. Саар вывел на пластине ту же машину, рядом — условную фигуру человека. Он изменил расположение изображений и показал на широкий тёмный кружок с огнями.

— Нас куда-то передают?

Он не понял. Я повторил жест: человек, самолёт, вместе. Саар оставил обе картинки рядом. Это могло означать что угодно, начиная от согласия и заканчивая просьбой наконец перестать двигать ему рукой перед лицом. По крайней мере, самолёт пока был цел.

Дальше мы пошли в помещение с длинной прозрачной стеной. За ней на черноте космоса ярко горели звёзды. Несколько членов экипажа сидели полукругом, почти не двигая руками. Перед одним появлялись и гасли короткие световые знаки. У другого над подлокотником медленно поворачивалась объёмная фигура. На обычную рулевую рубку это походило только тем, что все смотрели примерно в одну сторону.

Я задержался у входа, пока Саар не указал, где можно встать. На полу возле прозрачной стены шла тонкая полоса. Переступить её я не стал.

Корабль медленно разворачивался, и из-за края стены выплыло местное солнце — ослепительно белый огонь. Прозрачная поверхность потемнела вокруг него, сохранив остальное изображение.

На фоне света проступила огромная конструкция. Сначала я различил три разнесённых кольца, соединённых тёмными перемышками, потом разглядел тёмный цилиндр внутри колец и длинные боковые ответвления. Между ними двигались точки. Одна такая точка прошла ближе, приобрела корпус, ряды огней и оказалась отдельным кораблём.

Я машинально сравнил его с нашим. Ничего полезного не вышло: расстояний не знал. Однако общий масштаб всё равно становился понятнее. Места между кольцами хватало целому потоку аппаратов, и поток не выглядел тесным.

На внутренней стороне ближайшего кольца светились узкие полосы. Они разделялись на этажи, уходили за поворот и снова появлялись вдалеке. Я не мог сказать, что там находится, но представить движение человека от одного конца к другому уже получалось. Дорога заняла бы время. Много времени.

— Эрант, — произнёс Саар. Я повернулся к нему.

— Красиво, — сказал я и развёл рукой перед стеной. — Только адрес длинный получится.

Он проследил за жестом и коснулся виска. Между нами появилась схема конструкции. На ней вспыхнула одна маленькая отметка. Возможно, место, куда нас вели.

По другую сторону от станции висели широкие блестящие плоскости. Их края почти исчезали, когда менялся угол света. Они заслоняли часть белого огня, оставляя позади себя тёмные участки конструкций. На одном из ближних участков я различил движение нескольких аппаратов. Для чего всё это построили, можно было лишь гадать.

Вид завораживал. И злил: передо мной находилось столько вещей, о которых хотелось спросить, а весь словарь пока состоял из десятка слов и нескольких непроверенных догадок.

По мере сближения на корпусах проходящих судов стали различимы следы ремонта, потемневшие участки, длинные закрытые секции. Гладких тоже хватало, но наш корабль перестал выглядеть единственной вещью во Вселенной, которой уже пользовались. Я поймал себя на облегчении. Среди отполированных чудес ему было бы как-то неуютно.

Мы вошли в тень одной из конструкций. За прозрачной стеной медленно проплыл ряд огней, движение остановилось. Саар подождал, пока у выхода сменится знак, и повёл меня обратно.

После стыковки у истребителя уже стояли двое в другой одежде. Один прикладывал небольшую пластину к метке на стойке, второй наблюдал. Саар обменялся с ними несколькими фразами, после чего показал мне изображение самолёта. Возле него появилась новая отметка.

Я не стал делать вид, что понял. Указал на себя и на машину, дождался, пока на изображении их снова соединят линией, и запомнил знаки возле рамы. Если меня лишали самолёта, способов помешать всё равно не было. Но хотя бы отличить его площадку от соседней я хотел.

В длинном переходе нас остановили перед закрытой дверью. За прозрачной перегородкой сидело серо-голубое существо в светлой одежде. Саар что-то передал ему, и рядом с его лицом на панели появилась моя фигура со знакомыми цветными участками. Существо показало на запястье, затем на небольшую выемку передо мной. Я положил туда руку. Над кожей прошла светлая полоса; из щели выдвинулась трубка в запечатанной упаковке. Существо на себе показало, как в неё выдохнуть. Я повторил.

Саар спокойно ждал. Дверь открылась лишь после того, как сидевший за перегородкой просмотрел результаты и коснулся панели.

Воздух здесь был прохладнее корабельного. Впереди раздавались голоса — несколько одновременно, с разным ритмом и тембром. Проход расширился, и я оказался среди движущейся толпы.

Первым мимо прошёл коренастый незнакомец в рабочем жилете. Его кожа казалась тёмной и шероховатой, а пальцы — слишком толстыми для маленького предмета, который он держал. Следом женщина с узким лицом остановила тележку и сердито что-то сказала человеку впереди.

Человеку.

Он обернулся на её голос. Обычное лицо, волосы, щетина, раздражение, которое не требовалось расшифровывать по незнакомым мышцам. Я двинулся к нему раньше, чем успел составить фразу.

— Извините. Вы по-русски говорите?

Мужчина посмотрел на меня, затем на Саара. Ответил. Я услышал незнакомый набор звуков.

— English?

Он повторил, медленнее. Я попробовал ещё раз, уже сам понимая, что смена громкости не поможет. Женщина с тележкой снова окликнула его и нетерпеливо махнула рукой. Мужчина оглянулся, затем повернулся ко мне, немного помедлил, словно подбирая слова, но лишь развёл руками и пошёл за ней.

Я остался посреди прохода. В голове ещё держалось короткое, почти детское облегчение: нашёл своих. Оно не успело превратиться даже в полноценную надежду.

Саар тронул меня за рукав и показал на боковой коридор. Я пошёл за ним. От того, что впереди снова были человеческие лица, проблема языка никуда не делась.

Нас приняли за стойкой в небольшом помещении. Мужчина с тёмными волосами выслушал Саара, посмотрел на меня и вывел на столе изображение головы. За ухом загорелась точка; от неё потянулись тонкие линии.

Я сразу покачал головой.

— Погоди. Сначала объяснение.

Он заговорил, указал на изображение, на себя, затем на меня. Саар стоял сбоку и не вмешивался. Я повторил отказ, показал на ухо и на рот.

— Не понимаю.

Мужчина остановился. Несколько секунд смотрел на изображение, затем убрал его и куда-то отправил сообщение. Я увидел только движение губ и короткий световой знак возле стола.

Женщина пришла минут через десять. На ней была светлая одежда, на груди — несколько цветных линий. Она принесла раскрывающуюся рамку с мягкими накладками. Сначала надела её на себя, положила руку на стол и посмотрела на появившиеся изображения. Они менялись, когда она произносила слова.

Потом рамку сняла. На коже не осталось следов. Женщина указала на меня, вопросительно подняв ладонь.

Это всё ещё не было объяснением. Но между точкой, которую собирались поместить внутри головы, и предметом, который можно снять руками, имелась существенная разница. Я взял рамку, осмотрел края, приложил одну накладку к запястью. Ничего не произошло. Женщина терпеливо повторила на себе положение у виска и за ухом.

Я разрешил надеть устройство. Когда она потянулась подправить накладку, задержал её руку и сначала поправил сам. Она отступила. Хорошо.

Передо мной появились простые картинки: чашка, ладонь, открытая дверь. Женщина показывала на предмет и ждала. Я называл его. Если картинка повторялась, повторял слово. Потом начались действия. Взять чашку, поставить, подвинуть. На одном задании я сказал «отдать», хотя она, видимо, ожидала «взять». Мы оба потянулись к одному предмету и остановились.

Женщина рассмеялась беззвучно, показала действие ещё раз и убрала предыдущий результат.

Через полчаса у меня заболели глаза. Я снял рамку. Никто не стал надевать её обратно. Мне дали отдохнуть, принесли воду в запечатанной ёмкости и что-то спросили. Я смог указать на значок, который уже несколько раз видел рядом с водой.

На следующем подходе устройство впервые произнесло русское слово.

— Больно?

Я так резко поднял голову, что накладку съехала.

— Нет. Устал.

Пауза. Потом из динамика прозвучало:

— Остановка. Отдых.

Не голос с Земли, даже интонация неправильная. Но впервые после катастрофы кто-то снаружи кабины ответил мне так, что я понял ответ.

Я закрыл глаза. Женщина больше ничего не спрашивала, пока я сам не взял рамку.

Дальше дело пошло быстрее, хотя до разговора оставалось далеко. Устройство путало «можно» и «хочу», с отрицаниями требовало повторения. Когда я показал на часы и спросил,

сколько времени мы занимаемся, оно предложило мне купить вторые. Мужчина за столом, всё ещё ожидавший окончания процедуры, не понял, почему я засмеялся.

— Подождите. Я ещё не понимаю, что вы предлагаете, — сказал я и показал ему значок остановки.

На этот раз перевод сработал достаточно хорошо. Мужчина кивнул, а женщина убрала изображение головы с точкой, которое он снова попытался открыть.

К вечеру я мог сообщить, что меня зовут Тимофей, что мне нужны сон и еда, что самолёт надо сохранить и что домой я хотел бы вернуться живым. С последним переводчик справился странно: Саар посмотрел на меня с тревогой, и пришлось повторить, что здесь меня никто не убивает.

Меня отвели в небольшую комнату в соседнем коридоре. На двери мужчина оставил несколько простых значков, один из которых означал помощь. Он показал, как вызвать женщину с рамкой, и дождался, пока я повторю.

Саар принёс мою сумку. Я попытался спросить, уходит ли он. Устройство выдало нечто про открытую дверь. Саар, подумав, нарисовал на пластине корабль, станцию и несколько чередующихся светлых и тёмных полос. Потом указал на себя и соседний коридор.

Кажется, пока оставался. Я протянул руку. Саар посмотрел на неё, затем осторожно сжал ладонь. Я кивнул и отпустил.

* * *

На следующий день рамка встретила меня собственным именем. Ударение она поставила не туда. Я произнёс имя ещё раз, и рамка повторила правильно.

Сначала мы повторяли вчерашнее. Затем женщина стала вводить более сложные действия: разрешить, отменить, ждать, подписать. Каждый смысл проверяла несколькими примерами, иногда нарочно неверными. Я ловил ошибку, она подтверждала правильный ответ, и устройство сохраняло очередную связку.

— Это... обучение? — спросил я, когда оно наконец начало собирать короткие фразы.

— Совместное, — ответила она через паузу. — Ваш язык неизвестен. Нужно соответствие слов и...

Последнее слово исчезло. Вместо него появились две картинки, на которых разные люди думали об одной и той же чашке.

— Понятий?

— Да. Вы выбираете понятие. Называете. Система сравнивает повторения.

Я коснулся накладки.

— Она видит, о чём я думаю?

Женщина подняла палец, попросила подождать и изменила изображение. На нём выделились короткие промежутки рядом с заданиями. Всё остальное было пустым.

— Здесь — выбранный ответ. Только во время задания. Полный... внутренний разговор не читается. Воспоминания не извлекаются.

Фраза прошла с двумя остановками. Я повторил её своими словами, заставил подтвердить каждый спорный участок и снял рамку.

— Сейчас?

Женщина покачала головой. Результатов больше не было.

Я снова надел устройство. Оно попросило показать чашку. Хорошо. Хотя бы поведение соответствовало объяснению.

Между сеансами мы сравнили время. Я показал ход секундной стрелки, затем полный оборот и подписал знакомые мне длительности, включая сутки и год. Женщина сопоставила их со своим отсчётом. Через некоторое время прибор научился переводить интервалы в мои минуты. Станционный суточный цикл оказался близок к нашему. Его происхождение я оставил на потом: хотелось наконец понять, когда следующий приём пищи.

К середине дня я начал задавать вопросы, на которые ждал ответа со вчерашнего утра. Мужчина со стойки вернулся к нам, представился Леном Тарисом и объяснил, что занимается временной регистрацией прибывших. Его участок относился к имперской администрации.

— Как называется станция? — спросил я.

— Эрант. Сарфонская Империя.

Я повторил оба названия. Первое слышал от Саара, когда он показывал конструкцию впереди корабля, но тогда не знал, относится звук к месту или к предстоящему действию. Теперь Тарис вывел адрес целиком и указал на нужную строку.

Внизу стояло обозначение миграционного сектора. Выше — станция, система и государство, о которых на Земле никто из моих знакомых не слышал. Слово «Империя» переводчик подобрал уверенно. Я попросил уточнить, кто ей управляет, и получил ровно тот ответ, которого ожидал: Император.

Почему здесь живут люди и сколько вообще вокруг государств, Тарис за одну беседу объяснить бы не успел. Я сохранил адрес и вернулся к собственной записи. Для человека, который не знал даже своего места во Вселенной, одна подтверждённая строка уже была продвижением.

— Без документов человека всё равно размещают, — сказал он. — Сначала нужно установить состояние и возможность общения. Остальное потом.

— Даже если он прилетел на этом?

Я указал на изображение истребителя. Тарис посмотрел и чуть развёл руками.

— Особенно если на этом.

— И сразу выпускаете к остальным?

Тарис повернул ко мне страницу с двумя отметками: корабельной и станционной.

— Первичное обследование подтвердило, что вы биологически совместимы с местными людьми. Опасных для окружающих возбудителей не обнаружили. Поэтому вас не держат в изоляторе. Пока на корабле шла проверка, приёмный отсек был отделён от жилых помещений. Здесь результаты проверили повторно, до открытия двери.

Я вспомнил свет на фонаре и существо за перегородкой. Значит, свободно ходить мне разрешили после проверки, которую я принял за очередную непонятную встречу.

— А самолёт?

— На отдельной площадке, с запретом запуска. Его проверяет техническая служба. Я занимаюсь вашей регистрацией.

Спрашивал он обстоятельно. Полное имя я назвал по частям: Тимофей Артёмович Шишка. Возраст — тридцать пять земных лет. Мы сверили длительность года по уже настроенному переводу единиц, чтобы в записи не получилось лишней молодости или старости. Затем пошли вопросы о месте рождения, государстве и системе. Я рассказал то, что мог: Земля, Россия, Солнце, третья планета. На схеме нарисовал соседние орбиты и Луну. Изобразить положение Солнца в галактике с точностью, полезной навигатору, не получилось бы даже при наличии общего языка с рождения.

Тарис проверял названия. Совпадений не находил. При этом не делал вид, что отсутствие слова в его реестре означает отсутствие места во Вселенной.

— У одной системы могут быть разные обозначения, — объяснил он. — По рисунку подтвердить нельзя. Нужны данные, которым соответствует наша карта.

— Я не знаю ваших координат.

— Поэтому и пишем: происхождение заявлено, не подтверждено.

Я попросил показать запись. Научился различать знак подтверждения и его отсутствие, задержался на графе профессии.

— Военный лётчик-испытатель. Капитан.

Переводчик остановился на последнем слове. Тарис уточнил, идёт ли речь о командовании кораблём. Я объяснил, что это воинское звание, а летаю я сам. Пришлось показать самолёт в атмосфере и отделить его от стоявшего рядом изображения звездолёта.

В конце в записи осталось: военная служба со слов прибывшего, пилот атмосферного аппарата, квалификация не подтверждена. Звучало неприятно. Возразить по существу я не мог.

— Вы считаете, я вру?

— Я считаю, что это ещё не проверено. Разница есть.

Я убрал руку с края стола. Разница действительно была. Тарис не отбирал моё прошлое — просто не мог заверить его своей подписью.

Он предложил продолжить после отдыха. Я настоял, чтобы сначала разобрались с самолётом. Пока у меня оставался предмет, который можно было показать, отдавать его судьбу на волю чужого расписания не хотелось.

На столе появилась запись о приёме: изображение корпуса, метка рамы, ещё несколько строк. Я узнал знаки, которые видел в ангаре. Тарис указал на отметку рядом с условной человеческой фигурой.

— Заявитель. Вы.

— Это не моя собственность. Государственная машина. Я её пилот.

Он изменил запись и повернул ко мне. Мы потратили почти двадцать минут на разницу между «владелец», «представитель» и «человек, который находился внутри». Из всех испытаний последних суток именно это больше всего напоминало Землю.

Самолёт учитывали отдельно от найденных обломков. До выяснения принадлежности его нельзя было продать на разборку. Разрешение на выдачу ещё предстояло получить; Тарис не обещал сделать это за меня. Зато согласился закрепить уведомление о любом перемещении и оставить мои возражения в записи.

— И копию, — добавил я.

— Получите после регистрации личного доступа.

— Без устройства за ухом он возможен?

— Рамка клиники вас переводит, но не удостоверяет. Через неё нельзя открыть дело самолёта, получить уведомления о перемещении или подписать возражение. Для этого нужен ваш собственный комплекс.

— Вы же только что открыли дело.

— Я сотрудник сектора. Вы можете приходить с заявлениями, и их будут рассматривать. Самостоятельного доступа у вас пока не будет.

— Тогда отметьте сейчас: о перемещении сообщать и мне, и вашему сектору. До решения о регистрации.

Тарис внёс дополнение и показал запись. Я дождался подтверждения.

Самолёт прошёл со мной через вспышку. Возможно, в его памяти было что-то, что позволит понять случившееся и найти дорогу назад. Другой зацепки у меня не было. Ходить за каждой строкой к чужому столу означало всё время узнавать о собственной машине последним.

Вот мы и вернулись к светящейся точке за ухом.

Теперь я мог спрашивать. Женщина, которая вела занятия, назвала себя врачом и привинула кресло так, чтобы видеть и меня, и результаты перевода. Тарис остался рядом: финансовую часть, сказала она, будут объяснять после медицинской.

— Что мне хотят установить?

— Базовый нейроинтерфейсный комплекс. Небольшой модуль под кожей. Контакты связывают его с нервной системой. Это одна система: сам модуль без интерфейса вам почти ничего не даст.

Я указал на рамку.

— А с этой нельзя остаться?

— Она принадлежит клинике. Собирает первичную языковую модель под наблюдением. Для постоянного использования неудобна и не открывает личные службы.

— Но разговаривать я смогу и без операции?

— Здесь, пока пользуетесь оборудованием. Со временем можете выучить общий язык самостоятельно.

Это был первый ответ, после которого разговор о согласии перестал напоминать разговор о неизбежности. Я попросил объяснить, что будет, если откажусь. Врач не стала перечислять достижения цивилизации. Назвала вещи, которые касались меня: временное размещение сохранится, экстренную помощь окажут, языковые занятия можно продолжить по расписанию. Работу без устойчивого общения и личного доступа подобрать значительно труднее.

— Вы можете подумать, — сказала она. — Процедура сегодня не обязательна.

Я обвёл взглядом комнату. На двери был знак вызова помощи; вчера именно он позволил попросить воды, не выходя искать человека с рамкой. Даже такое маленькое действие требовало посредника. Я уже знал, что согласиться, скорее всего, придётся. Но хотел понять, на что.

Врач показывала устройство по частям. Основной модуль находился под кожей, работа с нервными структурами была точной медицинской процедурой. Она не называла это «совсем пустяком», хотя явно выполняла подобные установки часто. Перед началом требовались обследование и подбор контактов.

— Удалить можно?

— В клинике. Самостоятельно повреждать нельзя. После удаления пропадут функции комплекса.

— Риск?

Она перечислила возможные осложнения и объяснила, как их отслеживают. Сложные слова переводчик раскладывал на картинки и короткие определения. На одном месте я попросил остановиться и начал объяснять обратно. Врач поправила меня: временное нарушение чувствительности не означало, что модуль способен произвольно отнять управление рукой.

— А способен?

— Этот комплекс не имеет исполнительного канала управления мышцами. Он принимает выбранные команды и передаёт вам информацию.

— Которую можно не видеть?

— Можно скрыть слой. Можно отключить внешнюю связь. Локальный перевод при этом останется.

Я попросил показать. Врач смотрела на короткую последовательность знаков, затем закрыла её. На общем изображении её интерфейса слой исчез. Потом она отключила связь; Тарис отправил ей запрос, и тот остался без ответа. Для демонстрации пациенту это было сделано понятно. Доказывало ли оно все свойства устройства? Нет. Но такой же полной проверки я не мог устроить даже земному анестезиологу.

— Вы сказали, информацию я буду видеть. Где именно?

— Как дополнительное изображение. Оно формируется через зрительный канал. Останется доступным и с закрытыми глазами, если вы сами вызовете.

Я помолчал.

— Вот эту часть надо было начинать первой.

— Поэтому мы ещё не в процедурной.

Я посмотрел на неё внимательнее. Похоже, не я первый задерживал её такими вопросами. Меня это устраивало.

С личными данными было сложнее. Медицинская запись имела отдельные разрешения, рабочая — свои. То, что я открою собеседнику, он сможет увидеть. Доступ к государственной

записи определялся не моим желанием, а положением в реестре. Тарис не обещал, будто регистрация сделает меня невидимым для администрации.

— Деньги тоже в модуле?

— На счёте, — ответил он. — В модуле средство доступа. Потеря устройства не означает потерю денег.

— Если они у меня появятся.

— Для этого обычно и оформляют работу.

Время финансовой части наступило само собой. Я достал бумажник. Тарис рассмотрел купюры, проверил карту и вернул всё на стол. Он не улыбался и не звал коллег посмотреть на дикаря. Просто эти вещи здесь не давали права на счёт, к которому можно обратиться.

За базовый комплекс, языковую модель, оформление и начальное обслуживание мне предложили отсроченную оплату. На экране стояло число 286. Я не знал, много это или мало, и попросил показать заработок по доступным работам.

Оказалось — достаточно много для человека, у которого ничего нет. Базовая смена на подходящей мне работе давала восемнадцать расчётных единиц. Обычные жильё и питание обходились примерно в десять. Четыре могли удерживать в погашение долга, остальное оставалось мне. Без премий, лишних расходов и неожиданностей.

— Неожиданности у меня сейчас основной вид деятельности, — сказал я.

Переводчик остановился на последнем слове. Пришлось убрать шутку и спросить о реальном: что будет при болезни, потере работы, отказе от конкретного места. Тарис показал порядок отсрочки, если заработка временно нет. Обязательный медицинский отдых после оформленной аварийной работы оплачивался по базовой ставке; обычная болезнь требовала отдельного решения. Сменить работодателя можно было, долг при этом оставался за мной. Я отдельно повторил, что самолёт не должен служить его обеспечением.

— Он учитывается по другой записи, — сказал Тарис. — Вы это уже потребовали.

— Хочу, чтобы обе записи не познакомились без меня.

На этот раз он всё-таки улыбнулся. Затем показал пункт ещё раз.

По условиям регистрации бесплатное хранение продлили на три местных цикла с сегодняшнего дня. Дальше — четыре единицы за цикл, если условия не изменятся. Я пересчитал. Увеличение расходов съедало бы весь свободный остаток начальной смены.

— А работа, где платят больше?

Тарис открыл следующий список. Возле большинства позиций стояли обозначения отсутствующей квалификации.

— Есть, — сказал он. — Когда подтвердите, что можете её выполнять.

Я откинулся в кресле. Придётся работать на долг, потом подтверждать право летать. Но сначала я получу доступ к делу самолёта и смогу сам следить за тем, что с ним происходит. Это было достаточно важно, чтобы ещё раз перечитать условия.

Врач дождалась, пока мы закончим, и снова спросила о согласии. Я посмотрел на рамку, лежавшую у висков. За день научился снимать её одним движением. От установленного модуля так просто не избавишься.

— Если решу остановиться?

— До вмешательства остановимся сразу. После начала сначала закончим безопасный этап. Не будете оставлены с незавершённой процедурой.

Я повторил смысл своими словами. Она подтвердила.

— Согласен, — сказал я. — На тот комплекс и те функции, которые мы обсудили.

Она сохранила запись и убрала медицинское изображение. Только тогда позвала следующего сотрудника.

В процедурной я перестал разговаривать. Белое кресло, мягкая опора для головы, тихо движущаяся над ухом конструкция. Рамку оставили на мне, чтобы сохранялась связь. Перед

каждым новым действием врач предупреждала, чего ждать. Я лежал, считал дыхание и следил за её голосом.

Было давление, короткое неприятное ощущение под кожей, затем тепло. Когда перед глазами появилась сетка, я напряг шею.

— Это калибровка, — сказала врач. — Посмотрите на центральную отметку.

Сетка сместилась вслед за вниманием. Я поймал себя на попытке рассмотреть её боковым зрением и едва не рассмеялся: у картинке не оказалось края в привычном смысле.

Через некоторое время рамку сняли. Врач произнесла короткую фразу на общем языке. Я услышал незнакомые звуки и одновременно понял, что она просит не торопиться вставать.

— Я вас понимаю, — сказал я по-русски.

Она ответила не сразу. Уголок губ дрогнул.

— Теперь вы разрешите передать мне перевод вашей речи. Пока перевод идёт через медицинский терминал.

Перед глазами появились запрос и два простых действия. Я выбрал подтверждение.

— Ещё раз, — попросила она.

— Я вас понимаю.

— Теперь понимаю и я.

Мои губы не научились говорить на чужом языке. Я произносил русские слова; согласившийся на связь собеседник получал их перевод. В шумном общем помещении без подключённого канала пришлось бы искать другой способ или действительно учить язык. Эта ограниченность почему-то нравилась: чудо наконец имело края.

Врач помогла мне встать и начала первичную настройку. Система предложила имя для открытого обращения. Я почти выбрал «Тимофей», потом остановился.

— Это будет видно всем?

— Тем, кому откроете профиль или передадите контакт. Юридическая запись отдельно.

На Земле фамилия значила многое, имя — ещё больше. Здесь любой из этих звуков был просто новым словом. Но один я привык слышать в эфире, когда от ответа зависело, что произойдёт дальше.

— Кречет.

Система предложила подтвердить написание через уже построенную модель русского. Я подтвердил. В верхней части небольшого окна появилось: «Кречет».

Я несколько секунд смотрел на строку. Потом свернул её. Открыл снова — имя осталось тем же. Ничего особенного не произошло, а дышать стало легче.

Следом пришлось настроить менее приятное. Временная регистрация. Базовый доступ. Общий язык через индивидуальную модель перевода. Счёт — ноль. Задолженность — 286.

Врач показала, как закрывать окна, отделять справку от сообщения и подтверждать действие. Мелькнувшая мысль сама по себе ничего не отправляла. Для команды требовалось задержать внимание и согласиться. Я несколько раз вызвал связь и отменил её, не доводя до разговора.

— Для первого дня достаточно, — сказала она.

— А если случайно переведу все деньги?

Врач посмотрела на нулевой баланс, который я сам оставил открытым.

— Сегодня это вам не угрожает.

Я засмеялся. Она дождалась, пока я закрою окно, и отправила меня обратно к Тарису.

В кабинете ждал Саар. Он поднялся, едва я вошёл. Я разрешил обмен речью; рядом с его лицом возник краткий знак соединения.

— Тимофей? — спросил он знакомым, тяжело произнесённым звуком.

— Кречет. Я выбрал для здешнего обращения. Тимофей — тоже я.

Саар повторил позывной, споткнулся на середине и попробовал снова. Я не стал поправлять ударение.

— Талари — это название вашего народа? Вы произносили его, когда показывали лица.

— Да. Талари.

Теперь я мог связать звук с теми, кто вытащил меня из самолёта и терпеливо смотрел, как я объясняю им несколько вариантов одной и той же просьбы.

— Вы специально прилетели за мной?

— Нет. Мы собирали пригодные остатки старых конструкций. Ваш аппарат шёл отдельно. Сначала хотели проверить его как находку. Потом увидели живого внутри.

— И решили отвезти к людям?

— Я собираю обломки. С людьми, найденными внутри, раньше дела не имел. Вы выглядели человеком, но я даже спросить не мог, откуда вы. Эрант был ближайшей станцией, где живут люди. Там есть врачи и кому вас передать.

Я посмотрел на него.

— Вам пришлось менять маршрут?

— Да.

Сказал так просто, что я не сразу нашёл, что ответить. Я помнил обломки в ангаре, потёртые панели и его осторожную руку возле фонаря. Всё это было частью обычной работы. А потом в найденном предмете обнаружился человек, и работа изменилась.

— Спасибо, — сказал я. — За маршрут. И за всё остальное.

Саар коротко кивнул.

— Хорошо, что вы включили сигнал. Мы заметили его при проверке. Внутри была речь.

Значит, хоть одно из действий в пустой кабине действительно привело к результату. Я с неожиданной теплотой подумал о повторявшем запись маяке.

У меня осталось множество вопросов. Что тащило самолёт без троса. Как обеспечивался вес. Что происходило со звёздами за окном. Саар назвал себя капитаном сборщика, объяснил его обычную работу и сказал, что световое изменение я видел во время перехода.

— Между звёздами?

— Между рассчитанными областями. Не пытайтесь повторить по тому, что видели из прохода.

— После последнего перелёта я пока побуду пассажиром.

Он не сразу понял шутку. Когда понял, издал тот короткий звук, который я уже связывал со смехом.

Больше расспросить не удалось: его вызвали на корабль. Я сохранил переданный контакт и запись о приёме самолёта, ещё раз пожал ему руку. В этот раз отпускать её не хотелось. Из всех существ на станции Саар был единственным, чьи поступки я успел узнать без перевода.

Он ушёл, и кабинет вдруг показался меньше.

Глава 5. Первая смена

Я проснулся раньше сигнала и несколько секунд слушал чужую вентиляцию. У неё был неровный голос: длинный выдох, короткая пауза, потом где-то за стеной отзывалась заслонка. На аэродроме я бы решил, что в соседнем номере запустили душ. Здесь соседей я ещё не видел, душ включался иначе, а за стенами жилого сектора находилась станция, от одного вида которой голова пыталась спрятаться в привычные размеры.

Пальцы сами потянулись к тому месту, где дома лежал телефон. Я даже успел рассердиться, что не поставил его на зарядку. Потом вспомнил.

Сел. Поставил ступни на тёплый пол. Злиться стало не на что, и это оказалось хуже.

В интерфейсе мигало вчерашнее сообщение о самолёте. Через два цикла заканчивалось бесплатное хранение. Я знал цифры, но всё равно прочёл их заново, как будто ночью администрация могла смягчиться. Ничего не изменилось. Борт лежал в чужом ангаре, денег у меня не было, объяснить путь домой я не мог. Зато сегодня мне предстояло устроиться на работу. Очень небольшое занятие по спасению собственной жизни, без государственной поддержки.

На медицинский контроль пришёл с запасом времени. Врач усадила меня, осмотрела место за ухом и попросила последовательно открыть три окна. Я открыл четыре: к последнему пристала вчерашняя справка.

— Закройте лишнее.

— Уже пытаюсь.

Она ждала молча. Я наконец убрал всё сразу.

— Сильно мешает?

— Когда думаю об этом. А когда не думаю, появляется что-нибудь интересное, и опять начинаю.

— Значит, для работы оставляйте рабочие мысли. Голова болела?

— Нет.

— Спали сколько?

Я назвал время. Она посмотрела на меня, затем на запись и не стала задавать вопрос второй раз. Попросила проследить глазами за меткой, проверила ещё что-то в своих данных. На её столе стоял закрытый стакан с надкушенным краем крышки. Вчера я видел в ней представительницу медицинской технологии, способной соединить мои нервы с чужой машиной. Сегодня она явно не успевала позавтракать.

— Вам неудобно сейчас? — спросил я.

Она подняла глаза.

— Вам неудобно сейчас на назначенном осмотре?

— Я про еду.

Врач посмотрела на стакан, словно только что обнаружила его.

— Это со вчера. Хорошо, что напомнили.

Она сбросила крышку в приёмник и отправила допуск. Я хотел ещё спросить, когда перестану прислушиваться к месту за ухом, но она уже вызывала следующего пациента. Встал, поблагодарил. У чужого будущего тоже было утро, в котором никто ничего не успевал.

* * *

Лен Тарис развернул передо мной вакансии и отодвинул кресло, освобождая место для ног. Я уже научился узнавать это движение: он готовился объяснять долго.

Наверху стояли сортировка, обслуживание жилых отсеков, складская тара. Ниже начиналась техника. Оплата росла вместе с числом требований, и возле пилотских работ я задержался дольше, чем следовало. Тарис не мешал. Я открыл описание малого буксира, продрался через половину незнакомых обозначений и вернулся к ученическому месту во внешнем секторе.

— Там меня не отправят сразу на обшивку?

— Сначала обучение и проверка. Мастер поговорит с вами сам.

— Соединяйте.

Ответил низкий голос, без приветственной мелодии и ожидания, что я знаю правила.

— Опыт работы в вакууме?

— Высотное снаряжение. Вакуум — только пассажиром собственной аварии.

На том конце помолчали.

— Так и запишем: опыта нет. Почему внешние работы?

Я посмотрел на пилотскую строку, оставшуюся за окном разговора.

— Там движение и техника. С этим я работал. Научиться здешней будет легче, чем делать вид, будто мне всё равно, чем заниматься.

— Легче не обещаю. Учебное время оплачивается. До проверки резервного управления шлюз не открою. Если здоровье позволит, приходите сегодня.

Я спросил, как оплачиваются ученические ошибки. После недолгой паузы голос стал чуть менее сухим: обычные повреждения на разрешённом упражнении входили в обучение, самовольные подвиги — отдельно. Неисправность следовало остановить и показать. Я прочёл имя мастера: Орс.

— Хорошо, — сказал я. — Согласен.

— Условия сначала дочитайте.

В этом месте Тарис кашлянул. Не знаю, пытался ли он скрыть улыбку, но мне показалось, что да.

Дочитал. Восемнадцать за начальную смену. Из них десять уходило на жильё и еду, четыре на долг. При исходных двухстах восьмидесяти шести оставалась очень длинная дорога до свободы, даже если не покупать ничего, не болеть и не иметь на хранении экспериментальный истребитель.

— А пилотская проверка? — спросил я.

— Отдельный учебный центр. Сначала подходящий модуль, затем практика. Ваш прежний опыт они могут оценить. Заменить им проверку не смогут.

— Они вообще поверят, что я летал?

Тарис посмотрел на меня поверх окна.

— Для сегодняшней работы им это не требуется.

Я слишком резко закрыл список.

— Понял.

Он ничего не сказал. Я посидел ещё секунду, затем открыл список обратно и сохранил нужные адреса. Чиновник не был виноват в том, что здесь у меня от профессии остались позывной и привычка искать несуществующий телефон.

Пока он оформлял направление, я изучал собственную рабочую карточку. Возле имени не было ни фотографии в форме, ни должности, ни даже страны. Временная регистрация, разрешённые операции, отметка врача. Поразительно мало сведений о человеке, который успел прожить тридцать пять лет и считал, что сделал за это время кое-что стоящее.

— А настоящее имя можно оставить? — спросил я.

— Оно сохранено. Кречет выбран для обращения. Хотите поменять?

— Нет. Просто проверяю.

Тарис повернул ко мне полное поле. Тимофей Артёмович Шишка. Местная система честно удерживала все три слова, не пытаясь решить, которое лишнее. Отчество она отнесла к дополнительной части имени. Я хотел объяснить разницу, но представил, сколько займёт рассказ про отца, фамилии и порядок обращения, и промолчал.

— Вам распечатка нужна? — спросил Тарис.

— Зачем?

— Вы смотрите так, будто собираетесь унести.

Я усмехнулся и свернул карточку. Он был прав. Хотелось унести хоть что-нибудь, что можно взять в руки и показать другому человеку без его разрешения соединиться со мной. Документ, удостоверение, старый пропуск с потёртым уголком. Здесь сведения обо мне находились везде и одновременно нигде, куда я мог бы положить ладонь.

— Пока не нужна. Если потребуется, спрошу.

Он кивнул и продолжил работу. Я остался сидеть ещё немного, наслаждаясь простым обстоятельством: меня не выгоняли сразу после последнего полезного вопроса. Потом понял, что задерживаю следующего посетителя, и поднялся.

Перед уходом спросил, к кому обращаться по самолёту. Тарис велел прислать конкретные вопросы после смены: к тому времени он сможет выяснить, кто ведёт дело. Я поблагодарил. На этот раз нормально.

До рабочего сектора шёл через пассажирский переход. Навигация предупредила о закрытии, я остановился, и поперёк коридора медленно выползла платформа с такими длинными балками, что пришлось ждать ещё после того, как её кабина скрылась. Пилот сидел боком к движению и ел из небольшой коробки. Я посмотрел на его руки. Спокойные, ленивые руки человека, которому доверили машину.

У стены висела схема Эранта: три кольца вокруг тёмного цилиндра, вынесенные экраны, причальные области. Рядом светило. Я вызвал подпись: белый карлик. На маленьком изображении звезда выглядела вполне безобидно. Блок предупреждений под схемой был значительно длиннее её названия.

Платформа освободила проход. Я свернул астрономию и пошёл за заработком.

* * *

Орс ждал меня у открытой стойки. Талари, высокий, с тяжёлыми веками и серо-голубой кожей; волосы убраны так, чтобы ничего не попадало под уплотнение. Он держал тонкий инструмент и, пока я подходил, пытался достать им что-то из углубления. Достал кусок серой ткани, поморщился и отправил его в отходы.

— Кречет?

— Он самый.

— Сумку сюда. Непонятный браслет с руки тоже.

Видимо, речь шла про часы.

На полке стояли три одинаковых ящика. Я выбрал ближайший. Орс указал на средний: ближайший предназначался для грязной оснастки. Первое задание провалил, ещё не поздоровавшись как следует.

Часы снимал медленно. Мастер заметил.

— В закрытый карман положите. У него есть жёсткая стенка.

— Отцовские.

Он коротко наклонил голову, показывая, что услышал, и повернул ящик ко мне нужной стороной. Спрашивать про отца не стал. Я был ему благодарен: любое простое «как он?» сейчас заставило бы меня выдумывать ответ.

На стойке висел рабочий комплекс. Герметичный костюм, двигатель за спиной, четыре сложенных манипулятора. С расстояния он напоминал крупное насекомое, которому велели вести себя прилично. Когда Орс раскрыл опоры, сходство усилилось.

— Руками куда? — спросил я.

— Своими пока никуда. Сначала встаньте на отметку.

Костюм принимал меня по частям. Упор в поясницу, обхват бёдер, плечи, предплечья. Там, где я ожидал ремня, находилась подвижная опора; там, где хотелось схватиться, гладкая поверхность вежливо уходила из-под пальцев. Я начал помогать устройству поворотом корпуса, и Орс придержал меня за плечо.

— Стойте спокойно.

— Я пытаюсь попасть.

— Он сам в вас попадёт.

Сказано было так буднично, что я всё-таки усмехнулся.

Подгонка заняла больше времени, чем мне хотелось. Левый локоть неприятно тянуло при полном сгибании. Я несколько раз подвигал рукой, надеясь, что усажусь. Орс заметил раньше, чем я заговорил, переставил опору и заставил повторить движение.

— Сейчас лучше? — спросил Орс.

Я кивнул. Он предъявил учебный режим: внешние работы, вакуумная среда, четвёртый уровень. Эта четвёрка никакого уважения ко мне не выражала. Рабочий модуль связывал чип с оборудованием, а всё, что я мог делать, пока определялось разрешениями мастера. Восемь километров предельного радиуса комплекса существовали где-то в справке. Для меня светилось сто метров и сопровождение.

Орс раскрыл резервную панель. Две рукоятки, клавиши, небольшой независимый индикатор. Я с облегчением потянулся к знакомой форме.

— Пока не трогайте.

— Вижу ручку — душа радуется.

Мастер посмотрел на рукоятку, потом на меня.

— Душу потом подключите. Сначала проверим нейтраль.

Я не сразу понял, шутит ли он. Он тоже, кажется, не был уверен, правильно ли перевёл мою фразу. Но работать стало легче.

Первый час мы провели на подвесе. Я учился выбирать чужую конечность, двигать её, оставлять на месте и помнить о ней, когда занимался другой. Оказалось, две мои руки всю жизнь имели полезное преимущество: я обычно знал, где они находятся. Нижний правый манипулятор мог совершенно законно остаться за спиной и терпеливо ждать, пока я въеду им в стойку.

Один раз он едва этого не дождался. Ограничитель остановил движение. Я выругался, Орс потребовал вернуть схему и показать закреплённую опору. Хотел ответить, что уже вижу. Вовремя заметил его лицо и показал.

Настоящая злость пришла на контейнере. Небольшая учебная коробка, взять с подставки, поставить в гнездо. Настолько простая вещь, что я позволил себе думать о следующем упражнении. Захват сомкнулся. Коробка издала короткий хруст.

— Стоп.

Я остановил всё. На боку расплзлась вмятина.

— Ограничение под предмет выбрали?

— Думал, оно уже стоит.

— Оно под манипулятор. Прочитайте карточку.

Я прочёл. Допустимое усилие находилось на самом видном месте.

Орс вынул коробку и положил передо мной, в поле зрения. Мне это не понравилось больше, чем повреждение. Он мог убрать её. Я уже понял.

— Будем весь день любоваться? — спросил я.

Мастер поднял голову.

— Я смотрю, что повреждено.

Пауза получилась длинной. За моей спиной щёлкнул другой комплекс, кто-то засмеялся у входа. Я почувствовал жар в лице, вполне земной и ненужный.

— Извините. Я решил, вы для меня оставили.

— Для вас тоже. Этот корпус здесь третий учебный год. Видите другую сторону?

Он повернул коробку. На ней было столько следов, что мой едва нашёлся бы без свежего блеска.

— Возьмите целую. И не пытайтесь закончить день раньше времени.

Я взял. Прочёл карточку, уменьшил усилие. Довёл до гнезда так медленно, будто внутри лежали последние живые люди моей планеты. Орс разрешил отпустить и отвёл взгляд к следующей задаче.

На перерыве я сел прямо на низкую опору, не сразу сообразив, что она предназначена для снятого инструмента. Орс махнул рукой: сидите. Принёс воду, сам остался стоять и долго разгибал пальцы одной руки другой.

— Болят? — спросил я.

— Затекли. Полсмены держал мелкий инструмент. Пейте, у вас вода целая.

До этого мне казалось, что он собран из терпения и производственных требований. Пришлось быстро добавить к конструкции затёкшую кисть.

— Вы давно здесь?

— На этом участке? Давно. Прежде работал на другом кольце.

— А нравилось где больше?

Он удивился вопросу, затем посмотрел в сторону общей стойки, где двое пытались уложить длинный шланг в неподходящий контейнер.

— Пока там.

Я засмеялся. Орс тоже издал короткий звук, почти незаметный, и попросил унести шланг к правильной ячейке. Я охотно встал. Хотелось сделать что-нибудь полезное без выдачи отдельного допуска.

Когда я вернулся со шлангом, Орс сидел на освободившейся опоре и смотрел небольшую запись. Я видел только движение цвета, сам закрытый канал мне не предлагали. Подождал в стороне. Мастер заметил меня, свернул изображение, но выражение лица у него ещё несколько секунд оставалось совсем другим.

— Продолжаем? — спросил я.

— Ещё три минуты.

Он сказал это почти сердито, будто я собирался отнять у него законный перерыв. Я сел обратно и выпил воду. Оказалось, молчать рядом можно не только под наблюдением. Орс разглядывал ноготь на длинном пальце, я — собственные колени внутри раскрытых опор.

— Что смотрели? — спросил я наконец. — Если не личное.

— Личное. Но можно. Знакомый прислал участок, где собирается жить.

— Здесь?

— На планете. У него там будет открытая площадка возле дома. Всё время показывает площадку, как будто дом получил случайно.

— Я бы тоже показывал.

Орс повернул ко мне голову.

— У вас была?

— У родителей. Не совсем площадка. Крыльцо, ступеньки. Сидеть неудобно, зато вечером хорошо.

Я неожиданно ясно увидел облупленный край, на котором брат всегда оставлял инструмент. Хотел добавить про него и не смог выбрать, с какого времени начинать фразу. Было? Есть? Орс ждал, не глядя мне в лицо.

— Вы хотели бы там жить? — спросил я вместо этого.

— Не знаю. У него ближайший ремонтный участок далеко. Я спросил, что делать, если откажет вода. Он прислал ещё одно изображение площадки.

Я рассмеялся громче, чем требовалось. Мастер посмотрел с удивлением, потом снова издал тот короткий звук. Он, кажется, тоже находил ответ знакомого недостаточным.

— Иногда можно сначала посмотреть на площадку, — сказал я.

— Вот и посмотрел. А про воду он ещё не ответил.

Вызов смены оборвал разговор. Орс поднялся, провернул затёкшую кисть и снова стал мастером. Мне захотелось, чтобы его знакомый ответил нормально. Площадка без работающего крана была неполным счастьем, это я мог понять даже на другом конце Вселенной.

После перерыва основной слой исчез, когда я переносил очередной груз. В шлеме стало пусто. Я остановил движение, перешёл на резерв и только затем спросил, что случилось. Орс вернул картинку.

— Теперь вызов помощи. Голосом тоже.

Две короткие фразы на общем языке он заставил повторять, пока я не перестал коверкать важное окончание. Я чувствовал себя первоклассником, которому попалась особенно недоброжелательная буква. Но если однажды перевод пропадёт вместе с картинкой, произносить правильно придётся без Орс.

К шлюзу пошли после проверки торможения и аварийного возврата. Я поймал своё отражение в тёмной створке: человек торчал внутри устройства, как случайно забытая начинка. За прозрачной частью шлема находилось знакомое лицо. Оно выглядело старше, чем утром перед испытанием.

* * *

Когда створка разошлась, я перестал слышать мастера.

Он говорил что-то о точке остановки. Я видел подпись канала, двигавшийся указатель, свет на ближней опоре. Всё понимал и одновременно оказался в той кабине, где считал оставшийся воздух. Чёрное пространство лежало за краем шлюза совершенно такое же. Ему было совершенно всё равно, что теперь я подготовился.

В животе стало пусто. Руки сжали рукоятки. Костюм принял движение за запрос, но удержался на фиксаторах.

— Кречет. Останьтесь на опоре.

— Я здесь.

— Вижу. Дышите.

Я раздражённо выдохнул. Взрослый лётчик, тридцать пять лет, мужчина при боевом опыте и прочих украшающих анкету обстоятельствах. Стоит в дверях и боится чёрного цвета.

Орс не приближался. Его комплекс держался в нескольких метрах, боком ко мне. Он оставил мне проход и возможность вернуться.

— Выйдем завтра, если нужно.

Я посмотрел на его отражённый в стекле огонёк, затем на работающую пару у соседней ниши. Один придерживал широкую пластину. Второй возился с нижним замком. Пластина была чуть перекошена, и первый показал партнёру, куда подать край. Они хотели поставить крышку.

Я хотел сказать, что со мной всё в порядке, и почти произнёс. Орс наверняка слышал эту фразу сотни раз; я сам слышал её от людей, которым нельзя было садиться в кабину. Мне нравилось думать, что умею отличать их от тех, кто действительно готов. Теперь очередь дошла до моего собственного голоса, и уверенности в нём не оказалось.

— Напомнило аварию, — сказал я.

— Понял.

Больше он ничего не добавил. Ни совета забыть, ни рассказа о чужих неудачах. Я увидел, как его манипулятор спокойно перебирает крепление инструмента, и начал дышать в том же неторопливом темпе. Мастер оставался рядом, занятый своим делом. Этого хватало, чтобы заняться моим.

Я проверил давление. Оно было нормальным. Запас нормальным. Возвратный маршрут начинался под ногами.

— Минуту дайте.

Орс дал.

Я перестал уговаривать себя не бояться. Разжал пальцы, снова взял рукоятки. Назвал следующую точку вслух и снял фиксацию.

Малый импульс вытолкнул комплекс от порога. Шлюз поехал назад и вниз. Земной желудок попытался сообщить мне о падении, которого не происходило. Я занялся скоростью, запоздал с торможением и прошёл нужную отметку на несколько метров.

— Верните малым. Не доворачивайте весь корпус.

На второй попытке остановился лучше. На третьей смог посмотреть по сторонам.

Станция не умещалась в поле зрения. Из темноты выходила освещённая кромка кольца, над ней тянулись фермы, а дальше, по другую сторону пустоты, лежало другое кольцо. Центральный цилиндр перечёркивал звёзды. На его поверхности медленно скользили крошечные огни аппаратов. Я знал, что возле каждого такого огонька кто-то сидит в кресле, ругается, пьёт, считает время до конца смены. От этого размеры становились ещё невероятнее.

Белый карлик не был виден прямо, но свет от него резал дальние конструкции так жёстко, что тень казалась отдельным материалом. На моей стороне работали местные светильники. Их уютная желтизна вдруг вызвала почти детскую благодарность.

— На место дошли? — спросил Орс.

Я вернул глаза к нише. Двадцать метров от шлюза. За всю лётную жизнь столь короткий маршрут редко требовал от меня такого труда.

Нужно было снять защитный кожух и подержать, пока мастер осмотрит крепление. Три замка, петля страховки, обозначенное место для груза. Я разобрался с первыми двумя, на третьем выбрал неудобный угол. Орс попросил сместить весь комплекс. Я сместил, и инструмент сразу лёг правильно.

Кожух освободился легче, чем ожидалось, потянул манипулятор и начал разворачивать меня. Маленькая панель, никакого веса в привычном смысле, зато с убедительным мнением о том, куда мы оба должны двигаться. Я погасил поворот, услышал короткое подтверждение мастера и отвёл её в сторону.

За открытой защитой серебрились соединения. Орс работал двумя инструментами, один вёл вдоль кромки, другим придерживал кабель. По корпусу моего комплекса шла едва ощутимая дрожь от собственной системы. Снаружи всё происходило беззвучно. Снятый металл не звенел, дальний буксир не гудел, некуда было девать привычное ожидание шума.

На верхней петле кожуха я заметил светлый след. Сначала решил, что сам поцарапал. Уже прикинул, сколько могут стоить крепление и репутация нового работника, потом рассердился на себя и вызвал Орс.

— Здесь повреждение. Не знаю, было ли.

Он отвёл инструмент, посмотрел моими камерами, потом своими. Велел поставить кожух на временную опору. Несколько секунд листал запись.

— Было под кромкой. Хорошо, что показали.

Это короткое «хорошо» действовало сильнее, чем следовало. Я отвернулся, будто скафандр мог выдать довольную физиономию.

Петлю требовалось заменить. Я спросил, можно ли пока вернуть крышку на оставшиеся крепления. Орс отрицательно качнул инструментом и объяснил уже без учебного тона: следующая смена увидит закрытый участок и примет его за законченный. Оставили нишу открытой, обозначили состояние. Мастер заказал замену.

Пока ждали, из-за кольца вышел большой корабль. Сначала показался широкий плоский нос, затем длинный корпус. Свет скользил по нему полосами, открывая выступы, провалы между секциями, далёкую цепочку огней. Я невольно остановил дыхание. Корабль шёл медленно относительно станции и всё равно успел изменить половину вида за время, пока я понимал, на что смотрю.

— Что это?

Орс назвал класс. Я не запомнил.

— Далеко до него?

Он вывел расстояние. Далеко. Корабль был ещё больше, чем казался.

— Первый раз видите снаружи?

— Такой — да.

— Смотреть удобнее с дальней галереи. Здесь край закроет.

В его голосе не было насмешки. Он тоже смотрел, пока транспорт пересекал просвет. Затем пришла наша маленькая платформа с петлёй, и межзвёздная цивилизация снова уменьшилась до детали, которую требовалось принять по номеру.

Я проверил комплект, передал нужное, удержал кожух. Новое крепление встало, замки закрылись. На последней операции пальцы уже пытались опередить мысль от усталости. Пришлось вслух назвать то, что делаю. Орс не помогал и не мешал. Работа закончилась без дополнительных происшествий.

На обратном пути один манипулятор остался раскрыт шире положенного. Мастер остановил меня перед шлюзом. Я сложил его, ощутив внезапную злость на эту чужую руку, которая никак не хотела стать моей. Самое трудное оказалось почти позади, и именно поэтому я начинал делать глупости.

В шлюзе хотелось немедленно открыть шлем. Дождался сигнала. Только потом коснулся замка.

Воздух помещения пах нагретым пластиком и чужой работой. Никогда не думал, что это может быть такой приятный запах.

* * *

Из комплекса я выбирался неловко. Собственные ноги вдруг показались короткими, шея тяжёлой, а пол подозрительно близким. Орс придержал стойку, пока я искал сумку. На левом захвате он нашёл светлую полоску от касания опоры. Я вспомнил лёгкую дрожь при развороте с кожухом, о которой промолчал, потому что не понял причины.

— Внесите тоже, — сказал он.

Внёс. Разбор занял меньше времени, чем я опасался: три фрагмента, три моих объяснения. Завтра предстояло повторить управление и показать, что сохранилось после сна.

Я застегнул отцовские часы, поднял сумку и обнаружил, что пропала контрольная бирка инструмента. Перерыл карманы. Вернулся к стойке. Орс видел, как я иду, и молча показал на полку. Бирка лежала под тем местом, где только что была сумка.

— Мне уже можно увольняться со стыда? — спросил я.

— Сначала сдайте комплект.

Приёмщик ждал эту бирку, чтобы закрыть ячейку. Я извинился. Он махнул рукой и занялся следующим человеком. Мир снаружи пережил мой первый выход, а внутри я задержал чужую очередь каким-то кусочком пластика. Завтра решил сразу класть его отдельно.

Орс окликнул у двери. Я обернулся, ожидая ещё одной ошибки.

— Резервный канал запомнили?

Я произнёс обе фразы. На второй споткнулся, повторил.

— Теперь идите есть.

— Вы тоже?

— Позже. Здесь ещё комплект остался.

За его спиной стоял открытый костюм, из которого тянулись отключённые линии. Я хотел предложить руку, но честно представил, сколько времени он потратит на мою помощь. Попрошлся. Он коротко поднял ладонь, уже повернувшись к работе.

В столовой я не нашёл нужную раздачу. Перевод превратил все вывески в понятные слова, которые вместе не объясняли ничего. Пока разбирался, сзади попросили освободить

проход. Я отошёл и почувствовал себя до смешного обиженным: целый день учился выходить в космос, а вечером не могу купить ужин.

Нужная стойка оказалась на другой стороне. Мне выдали горячее, чашку и два контейнера. Один пах знакомыми пряностями. Я уже собирался открыть его, когда интерфейс предупредил о несовместимой добавке. Сотрудница заменила контейнер, нахмурилась, полезла проверять соседние комплекты. Оказывается, перепутали линию рационов после перестановки.

Я сел у длинного стола. Еда была мягкой, тёплой и почти без вкуса. Хотелось соли, жареного лука, чёрного хлеба с треснувшей коркой. Хотелось, чтобы кто-нибудь сказал: подвинь тарелку, сейчас положу нормально. На другом конце стола двое талари спорили о доставке. Один отломил товарищу кусок своей лепёшки, продолжая сердиться. Я отвёл глаза. Чужой ужин совершенно без спроса попал в больное место.

Над проходом включили новости. На схеме выделялись пограничные маршруты: дополнительные патрули, проверки, задержки грузов у границы с державой талари. Я посмотрел на соседей. Один не поднял головы. Другой дослушал, сердито ткнул пальцем в изображение и снова взялся за еду. Перевод выхватил название груза, которого он ждал. Всё остальное прошло мимо.

Я хотел спросить, что происходит, но вовремя понял, что они не приглашали меня в разговор. Открыл только ограничения, касавшиеся Эранта. Здесь прибавлялось работы. Где-то далеко принимали решения, от которых мой неизвестный сосед останется без деталей. Пока это было всё, что я мог понять.

В комнате разделся и долго стоял под водой. Закрыв глаза, подставил шею. Не думал о механике душа и о стоимости каждой минуты. Просто стоял, пока плечи понемногу опустились.

Первое зачисление пришло после душа. Восемнадцать, остаток долга двести восемьдесят два. Моих денег четыре. Я раскрыл расчёт, проверил и зачем-то провёл пальцем по воздуху, хотя цифры находились только в интерфейсе.

Захотелось немедленно их потратить. Купить напиток, который выбрал сам, какую-нибудь ненужную вещь. Доказать этим четырём единицам, что они действительно мои. Я даже открыл соседнюю торговую точку, посмотрел часы работы. Потом пришло уведомление о самолёте, и я закрыл магазин.

Тарис написал о хранении: более дешёвая зона, отсрочка, изменение статуса до установления принадлежности. В середине получилось сердитое «вы же понимаете». Удалил. Он понимал ровно столько, сколько я сумел сообщить, и за неизвестное ему государство отвечать не должен был.

Саару отправил короткое сообщение. Устроился, отработал смену, со мной всё в порядке. Хотел добавить, что снаружи сначала испугался, потом убрал. Рассказать можно будет позже, если ему будет интересно. Я слишком много хотел от каждого, кто успел проявить ко мне доброту.

Ответ не пришёл. Я не знал, где идёт его корабль, и оставил канал в покое.

Земной комбинезон висел рядом с местной одеждой. После чистки он почти перестал пахнуть аэродромом. Я достал из сухого кармана карточку испытания с подписью Климова, посмотрел на знакомый росчерк и убрал обратно. На бумаге было время, к которому мне следовало вернуться. Ни один человек, ожидавший тогда посадки, не знал, на сколько я опоздаю.

Я сел на край кровати. Усталость навалилась сразу, как будто ждала разрешения. Завтра нужно было вернуться к Орсу, пройти контроль, выяснить цену пилотского курса. Три дела. Их можно было сделать, не зная, где Земля.

Поставил будильник, положил часы рядом. За стеной кто-то передвигал мебель, с силой задевал ножкой перегородку, потом затихал и пробовал снова. Я лежал, слушал и хотел ска-

зять ему, чтобы приподнял дальний край. От этой нелепой, совершенно обыкновенной мысли наконец уснул.

Глава 6. Внешний сектор

На следующее утро шкаф запер мой комбинезон и принялся объяснять, что так будет лучше для всех. Шла санитарная обработка. До выхода оставалось двадцать семь минут, а я стоял перед дверцей в одном белье и с мокрым полотенцем на плече. Попросил прекратить, шкаф отказал. Попросил выдать одежду под мою ответственность, он предложил прочесть условия обработки.

Я высказал ему условия дальнейшего сосуществования. По-русски, без перевода.

Из соседнего прохода показался высокий талари. Он посмотрел на меня, затем на дверцу и прислал запрос разговорного канала.

— Мокрое положил?

— Да.

— Тогда надолго. Запасное внизу.

Внизу обнаружилась ручка, которую я считал частью вентиляции. За ней лежал свёрнутый временный комплект. Пока я его доставал, сосед поймал полотенце, свалившееся у меня с плеча. Отдал, когда я выпрямился.

— Спасибо. Что с верхним делать?

— Дождаться. Можно рассказать ему ещё что-нибудь, он любит слушать.

Я посмотрел на талари, тот стоял с совершенно неподвижным лицом. Только взгляд стал чуть внимательнее.

— Кречет, — представился я.

— Сейр. До встречи.

Он ушёл, а я заторопился одеваться. Комбинезон был чистым, чужим и пах тем же средством, которое постепенно вытесняло из моей жизни все знакомые запахи. Пока застёгивал, обнаружил, что болят мышцы между лопатками. Кисти сжимались нормально, ноги тоже работали. Боль нашли какие-то небольшие, прежде незанятые части меня, о существовании которых конструкторам здешних костюмов явно было известно больше.

После назначенного контроля я пришёл к Орсу за три минуты до начала. Мастер велел показать, где тянет, и переставил две опоры. Рядом со стойкой сидел утренний сосед и чистил щёткой небольшую деталь.

— Сегодня с Сейром, — сказал Орс.

— Мы познакомились, — ответил тот. — Он с техникой разговаривает уверенно.

Я посмотрел на него. Сейр тщательно изучал щётку.

— Не вся техника отвечает взаимностью.

— Шкаф ещё ответит. Вечером.

Орс даже не попытался выяснить, что произошло. Видимо, шкафы здесь обладали достаточно долгой историей конфликтов, чтобы не разбирать каждый отдельно.

Перед выходом дали задачу на возврат с неисправной группой сопел. Я выбрал ближайший шлюз, получил невозможный угол подхода и начал перестраивать маршрут. Сейр сидел рядом, подперев подбородок длинными пальцами.

— Это ты придумал? — спросил я.

— Я туда однажды полетел.

— Долетел?

— Долетел. Подойти не смог. Орс потом долго объяснял.

Мастер, не поднимая головы, назвал длительность того объяснения с такой точностью, что мы оба засмеялись. Сейр смутился. До этого я не умел читать его лицо; сейчас увидел, как он отвернулся и принялся слишком старательно закрывать инструментальную ячейку. Знакомое движение. У меня для него нашлось бы несколько земных воспоминаний.

Маршрут сегодня увеличили до четырёхсот метров. Сейр вёл, я отвечал за инструмент и запись. Орс оставался старшим выхода, но работал с другой парой. Перед шлюзом напарник показал два жеста: остановиться и вернуться. Я повторил. Его ладонь находилась непривычно далеко от корпуса, он подождал, пока я выберу удобное положение своей.

— Связь есть, — сказал я.

— Поэтому сейчас и учим.

Он проверил свободное пространство за створкой и первым снялся с опоры. На этот раз я сумел выйти, не застыв в дверях. Страх оставался, но уже не парализовал руки и глаза.

* * *

По наружной галерее Сейр передвигался так, словно вспоминал знакомую комнату в темноте. Заранее поворачивался к следующей опоре, складывал мешающий инструмент, пропускал страховку. Я за ним повторял, иногда с опозданием. Он ни разу не сказал, что это просто.

За поворотом исчезла стена. Открылась пустота между кольцами, дальние доки и тёмный цилиндр, такой огромный, что его край казался местным горизонтом. Под нами шёл аппарат с грузом. Я невольно прижал ноги, хотя до него было далеко, а собственного низа тут хватало ровно на подошвы.

— На широкой опоре остановимся, — сказал Сейр. — Там вид лучше.

— Я не мешаю?

— Пока спрашиваешь, стоя на пути, немного.

Я освободил проход. Он пристроился рядом и выключил часть рабочих обозначений, которые ничего сейчас не требовали. За нас держались захваты. За ближайшей фермой белый свет пересекал обшивку, каждая заклёпка отбрасывала резкую маленькую тень. Другая сторона кольца уходила за центральный корпус, и я впервые почувствовал не только размеры станции, но и её устройство: здесь всё было связано с чем-то за пределами взгляда, любой переход вёл к целому району, который я ещё не видел.

— Сколько вас тут? — спросил я.

Сейр назвал количество жителей и работников узла. Я попросил показать число. Оно относилось ещё и к приписанным платформам, временным экипажам. Постоянных жителей было меньше, но слова «большая станция» всё равно перестали помогать.

— А ты давно прилетел?

— Я здесь родился.

— На Эранте?

— Во втором кольце. Мать иногда напоминает, через какое помещение её везли.

Я повернулся к нему. Сейр смотрел в сторону доков, как человек, показывающий район, где ходил в школу.

— Зачем напоминает?

— Она торопилась родить, а транспорт торопился на церемонию. Решили, что церемония важнее прямого перехода. Ей пришлось двигаться через административную часть. Теперь любой праздничный маршрут у нас дома обсуждают подробно.

Мне стало смешно, потом неловко. Я мысленно расселил всех талари на неизвестной далёкой родине. Между тем Сейр смотрел на собственный дом. А пришельцем здесь был я. Вчера не сумел толком застегнуть комбинезон, сегодня удивлялся, что мой напарник родился на станции.

— Слушай, если начну доставать вопросами, говори.

— Пока не достаёшь.

— Пока?

— Мы только смену начали.

Я усмехнулся, в канале появился Орс. Мы подтвердили остановку и продолжили путь.

Грузовой направляющий узел лежал поперёк галереи. Длинная рама с четырьмя подвижными опорами, приёмный карман за ней, две платформы в ожидании. Требовалось проверить крепления и заменить два измерительных блока. Сейр передал мне первый, я прочитал маркировку и снял старый. На схеме четвёртая точка медленно уходила от остальных. После замены продолжила уходить.

— Сам блок был исправен? — спросил я.

— По этой картинке — возможно. Основание смотрим.

Сейр переместился к нижнему кожуху. Я держал контейнер и следил за страховкой. На общей схеме узел числился разгруженным, но что-то не совпадало с видом за плечом напарника. От ожидающей платформы к одной из опор тянулась тонкая гибкая связь. Аппарат висел почти неподвижно. Почти — оказалось достаточно, чтобы связь временами выпрямлялась.

— Сейр, подожди. А это снято?

Я выделил линию. Он остановил инструмент, запросил состояние у пилота. Тот ответил, что захват отпущен, аппарат удерживается сам.

— У нас он закрыт, — сказал Сейр. — Посмотрите механическое положение.

— У меня зелёный.

Сейр послал изображение. Пауза стала ощутимой даже в рабочем канале. Потом пилот попросил нас отойти от линии. Орс закрыл соседнюю направляющую, и мы несколько минут висели без дела, пока чужой механизм наконец не освободился.

Мне захотелось сказать что-нибудь про зелёные лампочки. Сейр опередил, но совсем другим вопросом:

— Рука свободна? Если понадобится, снизу к замку не лезь, я покажу отсюда.

Пилот ответил благодарностью. Его голос звучал уже иначе. Я прикусил свою заготовленную остроту. Пилот возился с застрявшим механизмом и без зрителей, остроумно комментирующих каждый промах, справился бы лучше.

Когда связь отпустила, график изменился, однако полностью не выровнялся. Под кожухом обнаружилась выдавленная прокладка. Сейр показал мне край и нормальный вид из руководства. Я сам бы не отличил одно от другого.

— Платформой вытянуло?

— Может быть. Может, давно перекосили. Поддержку сначала вызовем.

Мы подготовили место под отдельную опору. Держать раму нашим комплексом Орс запретил. Пока ждали оператора, Сейр принялся чистить посадочное место. Я взял вторую щётку. Мелкая пыль удерживалась полем инструмента; при резком движении несколько крупинки сорвались и медленно пошли в темноту.

— Тихе, — сказал напарник. — Потом попадёт кому-нибудь в замок.

Чистить чужой космический металл оказалось удивительно успокаивающим занятием. Движение, тёмная полоска, светлая полоска. Впервые за несколько дней результат не нуждался в переводе. Я поймал правильный темп, Сейр тоже, и некоторое время мы работали молча, встречаясь щётками у середины.

С отдельной опорой дело пошло быстрее. Разгрузили, сняли, измерили, заменили. Я держал свет там, где у Сейра оказывался инструмент, а не там, где мне было удобнее смотреть. Он протянул пустой захват; нужный наконечник уже находился перед ним. Сейр взял, ничего не сказав. Мне это понравилось больше похвалы.

Проверяли долго. Платформы ждали, у одной сменилось время назначения. Никто нас не торопил, зато цифры возле задания отлично справлялись без голоса. Когда четыре линии наконец легли рядом, я выдохнул так, будто сам удерживал их ровными. Второй блок заменили быстро. На обратном пути мы задержались у шлюза: в замок ячейки Сейра попал обрывок упаковки. Он не видел его из своего положения. Я подошёл сбоку, вынул мусор, закрыл крышку.

— Спасибо, — сказал он и первым двинулся внутрь.

Обычное спасибо за сущую мелочь. Я улыбнулся и пошёл следом, не всё же другим со мной возиться.

* * *

Обедать Сейр повёл меня сам. По пути свернул в узкий проход, несколько раз пропустил встречных и вышел к раздаче с другой стороны.

— Так быстрее?

— Так нет экипажей с дальних доков. Они заходят туда и решают, что все остальные уже поели.

— Я тоже вчера стоял посреди входа.

— Сегодня не стоишь. Есть надежда.

Он принёс два блюда, поставил между нами плоский контейнер. Я потянулся, и он придержал мою руку за запястье. Не больно, но неожиданно. Убрал сразу, заметив, что я напрягся.

— Это мне. Тебе можно второе.

— Скажи словами, я услышу.

Сейр кивнул, переставил контейнер. Несколько секунд мы ели молча. Я подумал, что испортил обед, а потом он спросил, что случилось вчера на раздаче. Я рассказал. Он выругался по-своему и полез проверять, закрыли ли замечание по перепутанным рационам. Когда убедился, снова занялся едой.

— Руками быстрее, — сказал он вдруг. — Привык, когда вместе работаем.

— Знаю. Я просто не ожидал.

Больше объяснять не пришлось. В следующий раз он подвинул мне нужный контейнер и постучал по крышке, чтобы я заметил. Я открыл, попробовал. Оказалось солоноватым и вполне съедобным. Благодарно посмотрел на него.

За обедом выяснилось, что Сейр старше, чем мне показалось, хотя для талари ещё молод. Точный возраст я услышал и понял, что понятия не имею, как его оценивать. Спросил лучше, давно ли он работает с Орсом. Сейр охотно рассказал: сначала приходил на короткие учебные выходы, потом взяли на участок, теперь часть операций выполнял самостоятельно. Хотел расширить квалификацию, но откладывал деньги ещё и на жильё.

— Твой модуль плохой? — спросил я.

— Модуль нормальный. Сосед упражняется со звуком. Очень настойчивый человек.

— Музыкант?

— Он так считает.

Я засмеялся, представив ночное передвижение мебели у себя за стеной. Сейр продолжил уже оживлённое: у матери на другом кольце можно было жить тише, но вместе с сестрой; они хорошо ладили, пока не начинали выбирать температуру, свет и место для вещей. Выбирать приходилось ежедневно.

— Поэтому хочу отдельный модуль. Дальше от рабочих переходов, зато с двумя местами у стола.

— Гости будут?

Он пожал плечами.

— Иногда хочется поставить вторую тарелку и не двигать для этого постель.

Я посмотрел на него внимательнее. У моего нового напарника было простое желание, которому не требовались мои чрезвычайные обстоятельства. Две тарелки, собственный свет, тихий сосед. Я бы сейчас согласился на гораздо меньшее и всё-таки прекрасно его понимал.

Он спросил про мои полёты. Я рассказал про атмосферу, кабину, испытания, объяснил, что нейроинтерфейса у нас не было. Сейр поднял голову от еды.

— Всё через глаза и руки?

— И уши. Иногда спиной раньше понимаешь, чем по прибору.

— Поэтому ты ищешь панель даже за столом.

Он показал, как оставить одну выбранную строку у края внимания, не разворачивая весь слой. Я тренировался на времени до конца перерыва. Дважды закрыл всё, один раз случайно открыл данные столовой. Сейр дождался, пока получилось, затем попросил не делать этого снаружи, пока навык не станет надёжным.

— Я поначалу вместо уведомлений связь отключал, — сказал Сейр. — Однажды минут десять радовался, что мастер меня не дёргает, а потом он пришёл лично выяснить, почему я не отвечаю.

Новости включились, когда мы уже допивали воду. Снова пограничные проверки, схема коридоров. Я спросил, касается ли его происходящее. Сейр показал маршрут, по которому ждали детали для материнского участка. Теперь их задерживали.

— А в державе талари у тебя кто-нибудь есть?

Он посмотрел на меня немного удивлённо.

— Дальние родственники. Я их не видел.

— Ты ведь гражданин Сарфонской Империи?

— Я здесь родился. Конечно.

Я понял, как это прозвучало, уже после вопроса. Объяснил, что пока путаю происхождение и государства. Сейр без особенного интереса спросил, у меня дома не путают ли. Пришлось признать, что ещё как. Он доел, убрал свой поднос и велел не расходовать перерыв на все мои вопросы сразу: до начала работы оставалось мало времени.

Перед уходом Сейр прислал мне маршрут до учебного центра. Туда можно было дойти пешком по внутреннему переходу. Я открыл список требований и задержался на пункте о проверке прежних навыков.

— Покажешь, что умеешь, — сказал Сейр, заметив, как я поморщился. — На слово они никому не верят.

— Я бы тоже не верил.

— Тогда чего хмуришься?

Я чуть помедлил: успел привыкнуть, что меня уже знают. Сейр кивнул, я сохранил маршрут и закрыл список.

* * *

Тарис вызвал меня к концу смены. Я пришёл уставший, с натёртой за день поясицей, и едва не начал разговор с того, что у них слишком долго всё рассматривают. Он успел раньше.

— Хранение приостановили. В смысле оплату. До окончания первичного освидетельствования.

Я остановился посреди движения к креслу.

— Самолёт?

— Другого вашего аппарата в деле пока нет.

Только сев, понял, насколько привык носить эту будущую плату в голове. Четыре единицы оставалось со смены. Примерно столько же могло уходить за день чужой неподвижности. Я бы работал, ел, спал и всё равно не приближался бы ни к чему.

— На каких условиях?

Тарис развернул решение. Защищённый складской сектор, закрытый доступ посторонним, журнал операций. Мой статус заявителя сохранялся. Частным владельцем я не становился, свободного доступа не получал. В разрешении значились внешний осмотр и безопасная диагностика. Вскрытия корпуса там не было.

Я попросил копию, затем спросил о перемещении. При плановом должны уведомить заранее, при аварии сначала спасут имущество, потом свяжутся. Возможность возражения существовала, если я мог назвать основание.

— Конфисковать не собираются?

Тарис устало потёр переносицу.

— Сейчас речь об освидетельствовании. Я показываю вам именно то решение, которое принято.

— А другое могут принять без меня?

— Не все будущие действия будут зависеть только от вас. У аппарата не установлен статус. Мы должны его установить.

Мне хотелось услышать обещание, что никто не тронет борт, пока я не вернусь с разрешением своего командования. Я мог сколько угодно хотеть. У командования не было даже адреса, по которому его могли бы запросить.

— Оставьте мою формулировку. Государственная принадлежность. Я пилот, отвечаю за сохранность.

— Она сохранена как ваше заявление.

— Хорошо.

Сказал и продолжал сидеть. Тарис закрыл рабочее окно, посмотрел на меня. Я понял, что он ждёт следующего вопроса, а вопроса пока не было. Вместо него было желание ещё минуту находиться в помещении, где незнакомый самолёт считался делом, заслуживающим внимания.

— Вы сами летали? — спросил я.

— Пассажиром.

— Я тоже скоро начну. Если накоплю.

Он чуть улыбнулся.

— Постарайтесь не сообщать инструктору это именно так.

Я засмеялся и поднялся. У выхода он попросил переслать рабочий график: следующие посещения можно будет назначать, не заставляя меня бегать между секторами. Я отправил разрешённую часть. Тарис уже занимался другим делом, когда данные пришли, и просто поднял ладонь, подтверждая получение.

Возле внутреннего окна прошла платформа с закрытыми ячейками. Я проводил её глазами, хотя ни одна не вмещала самолёт. Потом постоял ещё немного. Борт оставался недоступен, но хотя бы перестал съедать каждый завтрашний заработок. Вечером захотелось поесть с кем-нибудь, кому можно сказать именно это и не объяснять начало истории.

В жилом секторе меня ждал ответ Саара: рады, что устроился, у них всё нормально, идут по работе. Он приложил изображение контейнера с криво закреплённой меткой. Подпись перевелась плохо, но смысл был ясный: пока вещи ломаются, работа найдётся.

Я выбрал из разрешённой записи снимок очищенной опоры, убрал всё, кроме металла и щётки, и отправил. Написал, что пошёл по похожей специальности. Ответив, ещё какое-то время смотрел на кривую метку и улыбался.

* * *

Через несколько смен у моей жизни появился рисунок. Утренний сигнал, душ, короткий путь к сектору. Комплекс больше не пытался переключить меня заново; Орс сохранял подгонку и поправлял только то, о чём я говорил. За шлюзом по-прежнему было страшновато, зато внутри находились знакомые задачи. Они росли медленнее моего нетерпения, что наверняка спасало участок от лишнего ремонта.

Сейр учил меня словам. Начал с грузового захвата, и я произнёс его так, что он отвернулся. Попросил повторить. После третьей попытки признался: окончание звучит примерно как просьба обнять меня этим самым захватом.

— Рабочая команда, — сказал я. — Учитывая наше оборудование, даже опасная.

Он наконец рассмеялся открыто. Я повторял, пока не получилось приемлемо, потом заставил его выговорить «грузозахват». На середине Сейр сдался и сообщил, что русский язык явно проектировал человек с большим запасом воздуха.

Орсу я однажды сказал «готов» собственным голосом. Мастер дождался подтверждения в канале, поправил последний звук и занялся креплением. Зато вечером впервые произнёс «Кречет» без паузы. Я не стал делать из этого событие. Просто ответил сразу.

Мы меняли защиту у грузового кармана, переставляли антенную стойку, проверяли узлы, названия которых я ещё несколько дней назад не умел произнести. Ошибались по очереди. Я принял одинаковый на вид корпус с другим пределом нагрева; Сейр остановил выдачу. Он пропустил закрытие короткого маршрута; я успел спросить, почему там погасли разрешающие отметки. Постепенно исчезла необходимость благодарить за каждое такое вмешательство. Мы оба хотели закончить смену целыми.

В один из перерывов я застал Сейра сердитым. Он сидел перед закрытым контейнером с едой и отвечал кому-то в личном канале. Увидев меня, прекратил разговор. Я спросил, всё ли в порядке.

— Сестра решила, что раз я на другом кольце, то мне удобнее получить её доставку.

— А тебе неудобно?

— Мне после смены совсем в другую сторону.

Я пожал плечами. Сейр посмотрел на меня внимательнее.

— Ты считаешь, надо?

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо сказало.

Я уже подготовил ответ про семью и расстояния, но посмотрел на его нетронутую еду. Он был занят собственным днём, в котором сестра могла лениться, ошибаться, злоупотреблять помощью. Моя невозможность позвонить брату не делала её автоматически правой.

— Извини. Я бы сейчас пошёл куда угодно, если бы меня попросили из дома. Это к твоей сестре не относится.

Сейр медленно открыл контейнер. Поставил крышку ребром, потом убрал, потому что она мешала мне дотянуться до воды.

— Я получу, — сказал он. — Только хочу, чтобы она сначала спрашивала.

— Тогда так и скажи.

Он снова открыл канал, сообщил что-то коротко. Я занялся обедом, старательно не прислушиваясь. Через минуту Сейр отложил прибор и сообщил, что сестра согласилась. В голосе было немного обиды от того, насколько быстро решился вопрос, который успел испортить ему полперерыва.

— Можно было раньше, — заметил он.

— У меня такое тоже случалось.

Он посмотрел на меня, и на этот раз мы оба улыбнулись.

Плохая ночь случилась из-за учебной справки. Я открыл один вопрос о навигации, за ним второй. Потом нашёл объяснение метрического перехода, слишком общее, чтобы стать ответом, и слишком заманчивое, чтобы закрыть. Время подъёма незаметно перестало быть далёким.

Утром я сказал себе, что спал достаточно. На подготовке дважды взял одну кассету, переставил обратно и снова потянулся к ней. Сейр придержал крышку.

— Проверяешь или забыл?

Я разозлился прежде, чем ответил.

— Проснусь сейчас.

— Значит, забыл.

— Сейр, я понял.

Он убрал свой инструмент со стойки. Не демонстративно, без тяжёлого взгляда, просто перестал готовиться к выходу со мной. Я стоял, держа проклятую кассету, и не мог придумать ничего, что не звучало бы особенно глупо.

- Плохо спал, — сказал я наконец.
- Скажи мастеру.
- Сейчас.

Орс выслушал, перевёл на внутренний тариф и отправил разбирать возвратную тару. Внешнюю надбавку я потерял. Первым вопросом было, зачтут ли смену вообще. Мастер ответил, и мне стало стыдно не за вопрос о деньгах, а за то, как легко я собирался вытянуть ими объяснение собственной дурости.

В сортировке работала коротко остриженная женщина. Мои обстоятельства её не занимали. Показала контейнеры, объяснила проверку замков и оставила на первых четырёх, пока занималась соседней партией. Я хотел поскорее доказать, что справлюсь и здесь, но на втором контейнере обнаружил целую оболочку с неподтверждённым внутренним креплением. Пришлось разбираться.

К перерыву перестал жалеть надбавку каждую минуту. Руки делали понятное, глаза наконец удерживали строку. В одном ящике узнал вчерашнюю отметку, открыл с уверенностью хозяина и нашёл чужой инструмент. Старшая посмотрела журнал: после нас состав комплекта изменили.

- Узнал ящик и решил, что знаешь содержимое? — спросила она.
- Да.
- Бывает. Я недавно свой так на соседний участок отправила. Пришлось бегать.

Она сказала это без желания сделать мне легче. Её действительно раздражал тот недавний поход, и я улыбнулся. Первый раз за день без усилия.

Когда Сейр вернулся, я помог ему освободить верхнюю опору. Он был усталый, на виске остался след уплотнения. Рассказал, что заменили три узла, а два вернули из-за неверной поставки. Я дождался, пока он снимет комплекс.

- Я утром огрызнулся.
- Слышал.
- Зря.

Сейр повернул ко мне голову. На секунду мне показалось, что он сейчас объяснит полезный смысл сна. Вместо этого он протянул запутанную страховку.

- Распутай. У меня пальцы устали.

Я взял её, нашёл петлю, вытянул. Сейр убрал снаряжение и спросил, поел ли я. Этого оказалось достаточно, чтобы стыд перестал требовать ещё и вечерней речи.

* * *

До жилого перехода пошли вместе. Сейр собирался на другое кольцо, к матери. У него был небольшой закрытый пакет с чем-то для сестры; он время от времени проверял, не помял ли угол. Я хотел спросить, что внутри, потом удержался. У каждого должны оставаться пакеты, содержание которых не обсуждают только потому, что вы вдвоём идёте по коридору.

На развилке он вдруг остановился.

- Пройдёшь со мной до транспорта? У меня ещё есть время.

Я согласился раньше, чем успел подумать. Сейр только кивнул и свернул с привычного маршрута.

Мы миновали обычный путь к столовой и оказались возле небольшого ряда открытых прилавков. На одном лежали тканевые вещи, на другом какие-то домашние крепления, возле третьего талари спорила с человеком о форме ёмкости. Перевод ловил слова, но смысл спора оставался совершенно бытовым и потому недоступным без контекста. Сейр купил одну небольшую упаковку, спросил, могу ли я это есть, проверил состав и разделил содержимое.

Тонкие тёплые пластинки пахли маслом. Я попробовал и замер. Ничего земного в точности. Зато края хрустели.

- Нормально?

— Очень.

Он посмотрел на мою половину и отдал ещё одну. Я не стал отказываться из вежливости. Шли медленно, ели на ходу. Крошки попадали на комбинезон. Впервые за много дней я не пытался сделать ужин технически безупречным.

Возле транспорта Сейр назвал время, когда мне следовало закончить занятия. Я хотел пошутить про его заботливость, но он опередил:

— Завтра я опять держу другой конец. Спи.

— Буду.

Он вошёл в вагон, повернулся уже за прозрачной дверью и показал жест остановки. Тот самый, рабочий. Я поднял ладонь в ответ. Дверь закрылась. Уехал Сейр, у которого здесь были мать, сестра и пакет с незамятым углом. Я стоял с оставшимися крошками и впервые ясно понял, что завидую ему без малейшей злости.

Дома закрыл справку в назначенный час. До сна оставалось непривычно много пустого времени. Обычно дома можно было позвонить брату. Он отвечал бы, что занят, а потом ещё полчаса рассказывал, насколько именно. Я открыл запись голоса и начал говорить, словно он поднял трубку.

Про шкаф. Про Сейра. Про то, как взрослого лётчика отправили сортировать ящики, потому что он забыл вовремя лечь. Хотел рассказать про хрустящие пластинки, но на середине фразы замолчал.

Вентиляция дышала за стеной. Я слышал собственное дыхание поверх неё. Ни вопроса, ни смешка, ни звона посуды оттуда, где мог находиться брат, не приходило. Никакого «ну ты даёшь».

Я остановил запись и сохранил. Потом лёг. Сон пришёл не сразу, но я больше не открывал ничего, что могло бы его отогнать.

На следующей подготовке Орс не упомянул вчерашнее. Сейр передал кассету, я установил её с первого раза. Через несколько смен мастер дал нам небольшой узел без постоянного присутствия в канале. Связь оставалась, помощь тоже, однако почти час мы работали вдвоём, и я заметил это только после возвращения.

Допуск расширили отдельной проверкой. Назначенный партнёр, внешняя зона участка, короткие переходы, самостоятельный возврат по утверждённому пути. Транспорт оставался закрыт. Я прочёл разрешение и сразу открыл перечень пилотских требований. Сейр заглянул через плечо.

— Ты ещё минуту назад радовался.

— До сих пор радуюсь.

— Похоже на подготовку к следующему расстройству.

В тот вечер я впервые купил напиток за собственные деньги. Выбрал самый похожий по описанию на кофе. Получил холодную кислую жидкость, которую хотелось оставить продавцу вместе с претензией к переводу. Сейр попробовал свою порцию, задумчиво посмотрел на мою и спросил, почему я взял большой объём.

— Хотел нормально посидеть.

— С напитком можно не спорить до победы. Оставь.

Я всё-таки допил. Мы сидели у обзорной стены, и к дальнему доку шёл буксир с широкой рамой. Я следил за его движением, угадывал следующий импульс. Сейр некоторое время молчал, затем спросил:

— Тебе обязательно снова летать?

— Да.

— Здесь тоже работа хорошая. Деньги будут больше, когда снимут коэффициент.

— Я знаю. И уходить с участка сейчас не собираюсь.

— Но всё равно да?

Я посмотрел на буксир. Он погасил сопла, продолжил идти, затем чуть повернул раму.

— Всё равно. Хочу понимать ваши машины. Когда я сижу в кабине, мне хотя бы ясно, с чего начать.

Сейр покрутил пустой стакан, убрал его в приёмник и передал мне время начальной консультации. Раннее утро через несколько смен. За весь курс платить пока не требовалось.

Я записался. Буксир вошёл между направляющими. На этот раз момент торможения я угадал почти правильно, но Сейру говорить об этом не стал. Он поднялся, стряхнул с рукава несуществующую крошку и подождал, пока я наконец отлипну от стекла.

Глава 7. Сочтёмся

В учебный центр я пришёл в чужом комбинезоне и с собственной профессией, тщательно вписанной в три разных поля заявления. Сотрудница за стойкой заметила второе быстрее первого.

— Здесь нужно оставить только подтверждённый опыт.

— Я подтверждаю.

Она подняла голову. Женщина была немолодая, с аккуратно убранными волосами и той усталой собранностью, которая бывает у человека до начала долгого дня.

— Документом установленного образца. Рассказ я уже прочла.

— Это не рассказ.

Сказал слишком резко. Она молча повернула ко мне форму. Вверху действительно стояло уточнение, которое я пропустил, заполняя знакомыми словами незнакомую жизнь. Я посмотрел на запись, убрал должность из неправильного поля и выдохнул.

— Извините. Пусть будет заявленный опыт.

— Он поможет оценщику. Вам не нужно отказываться от того, что умеете.

Я кивнул, благодарный за последнее, хотя лицо постарался оставить обычным. Женщина проверила медицинскую отметку, совместимость интерфейса, подтверждение регистрации. Потом показала стоимость. Цифры расходились по нескольким строкам, и на секунду я подумал, что можно выбрать одну. Оказалось, их складывают.

— Мне для начала рабочий буксир в доках, — сказал я. — Какой минимальный курс?

Она открыла нужный вариант. Модуль, адаптация, теория, проверка, реальная практика под сопровождением. За короткой строкой «пилот» обнаружилось целое хозяйство, которое предстояло кормить из моей зарплаты.

— У работодателя есть техника для практики?

— Есть. Разрешения ещё не просил.

— Спросите. Это поможет с расписанием. Оплату решаете отдельно.

Я записал требования и принял начальный набор упражнений. Пространственные задачи, распределение внимания, последовательность действий. Ни один результат не открывал настоящий пост управления. Об этом говорили везде, словно поступающие пытались после удачной картинке немедленно угнать учебный транспорт. Учитывая моё настроение у входа, профилактика могла быть оправданной.

За прозрачной стеной стояла небольшая кабина на подвижной раме. Внутри человек едва заметно шевелил руками. На соседнем экране аппарат шёл к метке, проскочил её, повернул нос и продолжил удаляться боком. Я остановился посмотреть. Объяснение ошибки вспыхнуло в голове сразу: направление корпуса и скорость здесь не обязаны совпадать. Руки человека в кабине, очевидно, ещё надеялись на привычную связь.

Мне тоже предстояло переучивать руки.

Я простоял у стекла ещё несколько минут. Ученик наконец погасил скорость, удержался возле метки и откинул голову на подголовник. По неподвижной спине было видно облегчение. Инструктор рядом что-то сказал, и оба засмеялись. Я не слышал слов, но очень точно знал этот смех: задача перестала быть неразрешимой, пока никто ещё не испортил успех следующим упражнением.

Хотелось постучать по стеклу, показать большой палец. Не стал. Здесь жест могли понять иначе, да и человек работал для себя, а не на представлении. Просто мысленно поздравил его и пошёл к выходу, уже помня кабину лучше, чем неприятный разговор у стойки. Не самое плохое начало знакомства с учебным центром.

* * *

Короткий путь к рабочему сектору перекрыли ремонтом. На карте он ещё существовал, перед настоящей дверью уже стояли ограждение и двое с разобранной направляющей. Я спросил обход, получил жест вверх и пошёл по лестнице, считая оставшиеся минуты.

На площадке человек с дорожным мешком рассматривал стрелку. Тёмные волосы, спокойное лицо, обычная одежда, удобная для долгой дороги. Возраст я бы оценил примерно как свой, но уже знал, насколько бесполезна здесь эта привычка.

— К внутреннему грузовому залу? — спросил он.

— Говорят, наверху.

— Говорят или показывают?

— Пока показывают. Если там тоже закрыто, начнут говорить.

Он усмехнулся и пошёл следом. Шаг держал так, чтобы между нами оставалось место. Возле развилки я открыл служебную галерею своим рабочим разрешением. Для гостевой записи спутника она осталась закрытой. Он отступил, разбирая новый маршрут, и я уже успел пройти несколько шагов, когда обернулся.

— Вам в какой карман?

Он показал номер. Соседняя выдача, прямо за стеной.

— Через мою дверь не получится, — сказал я.

— Вижу. Мне нужен получатель лично, а сюда ведут как платформу с грузом.

Я посмотрел на время. До смены ещё успевал, если путь больше не преподнесёт сюрпризов. За контейнером с ремонтной оснасткой заметил стойку связи. Она стояла там, где её прекрасно видел тот, кто уже знал о её существовании.

Вызвал выдачу. Объяснил, где находится посетитель. Сотрудница попросила его номер, некоторое время разбиралась, затем открыла дверь с общего перехода. Человек посмотрел на неё, на наш пройденный путь и покачал головой.

— Кайр Вейл, — представился он. — Спасибо.

— Кречет.

— Вы здесь всё знаете?

— Сегодня удачно попал. Обычно я выгляжу, как вы возле лестницы.

Он улыбнулся, поправил мешок. Я указал на открывшуюся дверь, попрощался и прибавил шаг. Мне понравилось, что он не попытался превратить мою помощь в бесплатное сопровождение до самого груза.

Орс стоял у схемы приёмной галереи. Сейр перебирал наконечники, угадывая будущую оснастку по изменениям задания. Внешний выход сдвинули: транспортная кассета заклинила между двумя механизмами. Требовались ручной доступ и разгрузка.

— Карман? — спросил я.

Орс назвал тот самый.

— Я только что получателя туда отправил.

— Он нашёл груз? Теперь поможем грузу найти выход.

Мастер был явно недоволен изменением графика. У него оставалась незаконченная работа снаружи, и он коротко сообщил другой паре, что придётся ждать окна. Потом выдал нам облегчённую оснастку. Внутри галереи полный вакуумный комплекс мешал бы, однако вес кассеты всё равно требовал силовых опор.

Сейр проверял мои крепления. Я его. Он остановился, увидев, что я смотрю мимо плеча.

— Что там?

— Кабина в учебном центре была. Хотел потом рассказать.

— Потом и расскажешь. Здесь затяни ещё немного.

Я затянул. Сейр не улыбался, и я вернул внимание к его оснастке. После ночи со справкой я хорошо понимал, зачем ему понадобилось сказать это сразу.

* * *

На приёмной галерее звенел металл и переговаривались люди. Соседняя линия продолжала работать, над проходом ходил захват, у закрытого кармана старшая выдачи спорила с оператором. Кайр стоял в стороне, держа мешок у ног. Увидев меня, поднял ладонь, но подошёл лишь после того, как Орс закончил принимать задачу.

— Проверка маршрута оказалась основательной, — сказал он.

— Мы ещё не закончили.

Груз принадлежал компании, представителем которой выступал Вейл: комплектующие для навигационного узла небольшого транспорта. Кассета была станционная и застряла на переходе от одной рамы к другой. Нам не требовалось вскрывать защитный объём, только освободить тару и проверить, что её содержимое пережило задержку.

На записи всё произошло быстро. Кассета встала, приёмная рама начала поворот, угол нырнул под боковую направляющую. Автоматика остановилась. Повторная команда прижала его сильнее.

— Кто второй запуск дал? — спросил Орс.

Оператор показал диагностическое указание. Мастер посмотрел и перестал его допрашивать. Старшая тоже замолчала. Теперь перед нами лежала тяжёлая коробка, которую нужно было вытащить из металлических зубов, а не назначить ей виноватого для облегчения совести.

Сейр полез к нижней стороне. На общем изображении кассету хотелось просто приподнять. На его камере обнаружилось, что свободный край при таком движении повернёт прижатый угол ещё глубже. Нужна была третья опора, под дальний край. Подойти мешала стойка соседней выдачи.

Орс запросил короткое закрытие линии. Нам дали окно через двадцать две минуты. Старшая посмотрела на ожидающие платформы, потом на мастера.

— Раньше никак?

— Если найдёте раньше, начнём раньше. Под движущейся рамой я людей не оставляю.

Она прикусила губу, вызвала диспетчера ещё раз и занялась соседним потоком. Кайр подошёл к ограждению.

— От меня нужно что-нибудь, кроме ожидания?

— Потом осмотр упаковки подтвердите, — ответил Орс. — Результат после освобождения.

— Понятно.

Он отошёл, сообщил кому-то о задержке. Говорил негромко и недолго. Я невольно прислушался к интонации: извинялся или распоряжался? Не понял. Да и не моё дело.

Пока Сейр готовил опору, я снимал панель сервисной ниши. Под ней оказался дополнительный упор, которого не было на общей схеме. Я остановился и показал Орсу. Тот посмотрел крепление, выругался под нос и принёс временную стяжку. Упор держал ещё и кабельную защиту над проходом. Снять его сразу означало добавить себе вторую задачу, значительно хуже оплачиваемую.

Установили поддержку, освободили доступ. До окна оставалось время. Орс отошёл уточнить нагрузку, а я присел рядом с инструментальным контейнером. Кайр стоял по другую сторону ограждения и разворачивал небольшой свёрток с едой. Заметил мой взгляд.

— Угощать не буду, — сказал он. — Не знаю, что вам можно.

— Я тоже иногда не знаю.

— Недавно здесь?

— На станции или вообще?

Он не ответил сразу, давая мне выбрать вопрос самому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.